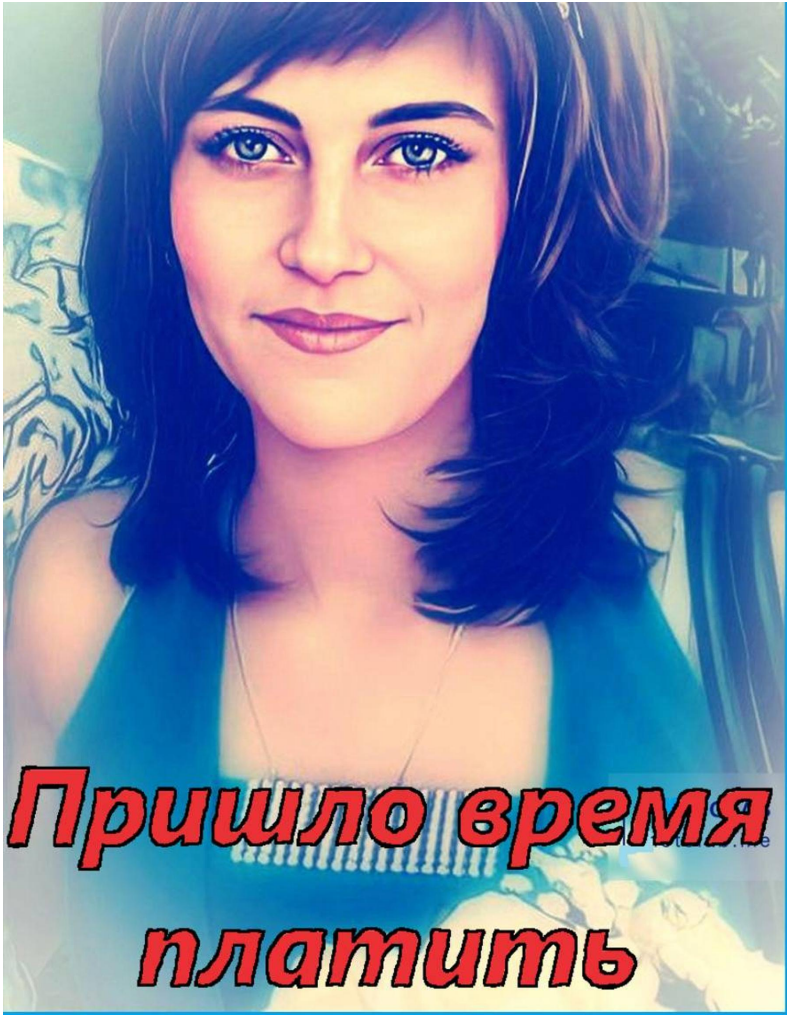

Пришло время платить чужие долги

18+

Ани Вебр

Пришло время платить чужие долги

https://litres.ru/74699869
SelfPub; 2026

Аннотация

В попытке наладить свою жизнь, Валерия познакомилась с парнем. Он предал ее, отдав в качестве долга. Сможет ли Лера выбраться из этой передряги?

Ани Вебр
Пришло время платить чужие долги

Платить по счетам, должен каждый.
Но, как быть?
Если тебя заставили платить чужой долг.
Есть два пути. Заплатить.
Или же, попытаться уйти от уплаты.
Как поступить? Решать только тебе!

ПРОЛОГ

Открыв глаза, девушка пыталась понять, где находится. В голове дико пульсировала сильная боль — она накатывала волнами, тяжёлая и вязкая, словно кто-то сжимал виски железными обручами. Каждый удар пульса отдавался в висках, мешая собраться с мыслями. Произошедшее накануне в памяти всплывало частями, обрывками смутных образов, тёмных силуэтов и чужих голосов. Казалось, что мозг хочет защитить свою хозяйку от пережитого стресса, пряча самые страшные моменты за плотной пеленой тумана.

Валерия поднялась с роскошной двуспальной кровати, и

её движения были медленными, будто тело не хотело подчиняться. Кровать была застелена тёмно-бордовым бархатным покрывалом — ткань казалась тяжёлой, почти зловещей, с глубоким, насыщенным оттенком, в котором тонули слабые отблески света. С потолка свисал балдахин, его складки падали вниз тяжёлыми драпировками, создавая ощущение замкнутого, почти душного пространства. На прикроватной тумбочке из тёмного дерева стояла настольная лампа — её приглушённый свет расходился по комнате неровными кругами, не рассеивая мрак, а лишь выхватывая из него отдельные детали, словно подчёркивая, насколько остальное пространство погружено во тьму.

Это была вся мебель, что присутствовала в комнате. Остальное пространство скрашивало множество подушек разной формы и размера — они лежали повсюду, в тёмных, приглушённых тонах, будто нарочно подбирались так, чтобы усиливать ощущение уединённости, почти заточения. Стены тоже были выкрашены в тёмно-красные тона — не яркий, живой красный, а скорее цвет засохшей крови, тяжёлый и холодный, от которого по коже пробегал неприятный холодок. Эта интимная обстановка навивала мрачные мысли, давила на сознание, заставляя чувствовать себя не гостьей, а пленницей в искусно оформленной клетке.

Лера подошла к массивной двери — её поверхность была гладкой, тёмной, с тяжёлой металлической ручкой, которая выглядела одновременно роскошной и угрожающей.

Дверь ожидаемо оказалась запертой: когда Валерия потянула за ручку, та не поддалась, лишь глухо щёлкнула, подтверждая её худшие опасения. Вскоре послышались шаги — тяжёлые, уверенные, будто человек, который их делал, точно знал, куда идёт и что будет дальше. К ним примешивались едва различимые голоса по ту сторону двери.

— Дорогой Баграт Артакович! — говорил заискивающий мужской голос средних лет, в нём слышалась смесь подобострастия и нервозности. — Давно вы не наведывались к нам, — продолжал расшаркиваться приторно-мерзкий голос, от которого у Леры внутри всё сжималось. — У нас появились новые кадры. Самую лучшую приберегли специально для вас! В нашем клубе её ещё не трогала ни одна рука.

«Вот же лживый говнюк! Не трогали, потому что я здесь от силы пару часов», — подумала Лера, и эта горькая мысль обожгла её изнутри, добавив к страху ещё и чувство беспомощной ярости.

— Девушка молода и очень красива, — продолжал свои восхваления мужчина, и каждое слово звучало как приговор. — Она ожидает вас в комнате.

Услышав, как щёлкает замок, Лера попятилась к кровати, её движения стали резкими и неуклюжими, будто она вдруг разучилась управлять собственным телом. Сердце билось так сильно, что, казалось, вот-вот пробьёт грудную клетку. Она залезла под одеяло, натянув его до самого подбородка. Защита так себе, но хоть что-то — в этом жесте было столь-

ко отчаяния и детской надежды на то, что если спрятаться, то беда пройдёт мимо. Из одежды на ней был шёлковый пеньюар нежно-розового цвета — его лёгкая, почти невесомая ткань казалась нелепой и неуместной в этой тяжёлой, мрачной комнате, будто её специально подобрали так, чтобы подчеркнуть её уязвимость.

Дверь открылась, и в комнату уверенной походкой зашёл мужчина. Он двигался так, будто пространство вокруг него само подстраивалось под его шаг, уступая дорогу. Высокий, широкоплечий, в тёмных джинсах и чёрной обтягивающей футболке — ткань повторяла рельеф накачанного тела, подчёркивая каждую мышцу, каждый изгиб, делая его фигуру ещё более внушительной. Смуглая кожа, глаза цвета тёмного шоколада, волосы цвета вороного крыла — всё это вместе с необычным для слуха именем лишь подтверждало догадки девушки. Мужчина был явно не из русских, но это не самое страшное. На вид ему было около тридцати пяти, однако каменное выражение лица и мощь фигуры только прибавляли ему возраста, а Валерии — страха перед ним. Эта гора мышц вселяла ужас, подавляя одним своим присутствием, заставляя чувствовать себя крошечной и беззащитной.

Лера ещё сильнее прижимала к себе покрывало, её пальцы впивались в ткань, словно она пыталась найти в ней опору, которой не было. Мужчина продолжал стоять у двери, он так же изучал девушку перед собой — его взгляд был спокойным, почти бесстрастным, но в нём читалась хо-

лодная уверенность человека, который привык получать то, что хочет. Минута напряжённого молчания казалась вечностью для неё: время будто растянулось, каждый миг тянулся бесконечно, наполненный только тишиной и этим тяжёлым, оценивающим взглядом.

Сердце стучало как сумасшедшее, его удары отдавали в горле, мешая дышать, мешая думать, мешая хоть как-то собраться. Валерия понимала, что сейчас должно произойти то, ради чего её здесь заперли, — и от этой мысли по спине пробегал ледяной холод, сковывая движения, заставляя кровь стынуть в жилах.

ГЛАВА 1

Некоторое время назад.

В эту минуту Лера была самой счастливой девушкой на земле — по крайней мере, ей так казалось. Счастье звенело в ней, как натянутая струна, и каждый шаг отдавался лёгкой, почти невесомой радостью. Она торопилась на свидание со своим парнем, сердце пело, а мир вокруг казался ярче и добрее обычного. Думала, что вытащила счастливый билет, если бы она только знала, как сильно ошибается в этот момент. Судьба к ней не так благосклонна, как ей кажется. Но, как говорится, любовь слепа — и Лера смотрела на мир сквозь эту сладкую, густую пелену, не замечая трещин, которые уже

бежали по её будущему.

С Никитой Волковым девушка познакомилась в институте. Никита был мечтой всех девчонок, мальчиком с обложки — так про него говорили, и эти слова не были преувеличением. Высокий, красивый, блондин с голубыми глазами, в которых, казалось, отражалось само небо. Плюс к внешности — он был из богатой семьи, и это добавляло ему особого, почти королевского лоска. Когда он обратил внимание на Леру, она не сразу поверила в его искренность. Что могло в ней привлечь такого парня, как Волков? Нет, бесспорно, Валерия была симпатичной девушкой: стройная брюнетка с округлыми формами в нужных местах, с милым, чуть застенчивым лицом. Вполне могла составить конкуренцию ярким красавицам, которые вились вокруг Никиты, если бы захотела. Но Лера предпочитала не выделяться и не привлекать к себе лишнего внимания — скромность стала её бронёй, а незаметность — способом выжить в мире, где слишком много чужих взглядов могли ранить.

Валерия была из бедной семьи, можно даже сказать, из крайне неблагополучной. Отца она не знала, а мать умерла, когда Лере было десять. С того момента её воспитывал отчим, если можно так сказать. Леонид Петрович Серегин удочерил девочку ещё будучи в браке с её матерью. А после смерти Тамары он стал спиваться, и дом постепенно погружался в тяжёлую, вязкую тишину, пропитанную запахом дешёвого алкоголя. Лера была предоставлена сама себе, но,

несмотря на всё это, Леонид оставался добрым человеком и девочку не обижал. Валерия, в свою очередь, прилежно училась и содержала дом в порядке, будто пыталась удержать хрупкий баланс между хаосом и уютом. У неё была мечта — вырваться из нищеты и добиться чего-то в жизни. Благодаря своему упорству она поступила на бюджет по специализации «экономика и бизнес». Спустя полгода обучения попала в аварию, в которой погиб отчим. Сама Лера провела несколько месяцев в больнице, и каждый день там казался ей бесконечным, серым коридором без выхода. После выписки и возвращения к учёбе она как раз и встретила Никиту. Он учился за границей, но деньги и вседозволенность плохо на него влияли. Родители приняли решение вернуть сына в родной город, чтобы он был под присмотром. Тогда-то и завязались у них отношения — и в них Лера видела не только любовь, но и шанс на новую жизнь.

Валерия подошла к лавочке в парке, на которой сидел Волков, ожидая её. Солнце пробивалось сквозь листву, рассыпая по дорожке золотые пятна света, и в этом свете Никита казался почти нереальным, как герой из сказки, который вдруг шагнул в обычную жизнь.

— Привет. Прости, я опоздала, долго ждала автобус, — начала оправдываться девушка, её голос звучал немного виновато, но в нём всё равно пробивалась радость от встречи.

— Не страшно, тебя я готов ждать всю жизнь, — расплылся в улыбке Никита, и эта улыбка была такой тёплой и ис-

кренней, что Лера на мгновение забыла обо всех своих страхах и сомнениях.

— Куда пойдём?

— Мне надо заскочить в одно место. Составишь мне компанию? А потом я готов исполнить любые твои желания, — говорил парень, увлекая её за собой, и в его глазах плясали озорные искры, будто он затевал что-то весёлое и беззаботное.

— Хорошо, — быстро согласилась Валерия, и в её согласии было столько доверия, столько надежды на то, что этот день станет особенным, что оно почти звенело в воздухе.

Они вышли из парка и сели в машину Волкова. Салон пах дорогим парфюмом и кожей, и этот запах казался Лере обещанием другой, красивой жизни. Спустя полчаса они подъехали к одноэтажному зданию со странной вывеской «Золотой рай». Буквы отливали золотом, но в этом золоте было что-то фальшивое, словно оно было сделано из дешёвой фольги. Никита как-то странно глянул на Леру — этот взгляд был коротким, но в нём мелькнуло что-то такое, от чего девушка поежилась, будто по спине пробежал ледяной сквозняк.

— А что здесь? — спросила она, неуверенно выходя из машины. Воздух здесь был другим — тяжёлым, неподвижным, будто сам мир замер в ожидании чего-то плохого.

— Это райское место для богатых. Пойдём, мы ненадолго, надо решить кое-какие дела, — заговорщицки улыбался

парень, но эта улыбка теперь казалась Лере натянутой, как струна, готовая лопнуть.

— Может, я тогда в машине подожду? — Валерия чувствовала внутреннюю опасность, исходящую от этого места, она ощущалась как электрический разряд, пробегающий по коже.

— Да не бойся, тут нет ничего плохого, — подталкивал парень её ко входу, и его рука на её плече была тёплой, но эта теплота уже не грела, а давила, как тяжёлое одеяло.

Зайдя в помещение, Лера увидела двух охранников. Парни с грозным видом, в чёрных костюмах, с каменными лицами, не внушали ей доверия. Их взгляды скользили по ней, оценивая, раздевая, и от этого становилось ещё холоднее. Волков взял её за руку и повёл вглубь по коридору. Коридор был узким, с тусклым освещением, и тени на стенах казались живыми, будто шевелились, следя за каждым её шагом.

Войдя в большой зал, девушка замерла. Огромная комната напоминала казино — и, скорее всего, именно им и являлась. Множество игральных столов, покрытых зелёным сукном, и ряды игральных автоматов, мигающих разноцветными огнями, создавали странный контраст: с одной стороны — показная роскошь, с другой — ощущение порока, которое витало в воздухе, тяжёлое и липкое, как сладкий дым.

— Пойдём, — Никита уверенно вёл её за собой через весь зал, и Лера шла, потому что не знала, что ещё делать. Её ноги будто налились свинцом, но она продолжала двигаться

вперёд, как человек, который идёт по тонкому льду, боясь остановиться и провалиться.

За дверью был ещё один коридор. В нём было несколько дверей и лестница, ведущая вниз, — в темноту, которая казалась почти осязаемой. Они вошли в одну из дверей. Это был кабинет. Там стоял массивный стол из тёмного дерева, за которым сидел мужчина лет пятидесяти. Его лицо было жёстким, с резкими чертами, а глаза — холодными, как осколки льда. Напротив стола стоял кожаный диван, тёмный и тяжёлый, словно трон. У двери находился охранник — громоздкий, неподвижный, похожий на статую, которая оживёт, если кто-то сделает неверный шаг.

— О-о-о, какая радость, сам Никита Сергеевич пожаловал! — расплылся в ехидном оскале хозяин кабинета. — Никак долг принёс.

— Здравствуйте, Филипп Иванович, — заговорил напряжённо парень. — Ваши ребята умеют убеждать.

— Значит, не зря я им бабки плачу, — лукаво улыбался владелец казино, и в этой улыбке не было ни доброты, ни веселья — только холодная расчётливость.

— Дело в том, что денег у меня нет, — неуверенно продолжил Никита. — Могу я долг натурой отдать? — в этот момент он покосился на Леру, и этот взгляд был таким коротким, таким мимолётным, но в нём было столько вины и страха, что у девушки внутри всё оборвалось.

Филипп Иванович прошёлся изучающим взглядом по Ва-

лерии — этот взгляд ощущался как прикосновение чего-то грязного, липкого, и от него хотелось отмыться. Он расплылся в улыбке, и эта улыбка была страшнее любого крика.

— Ну, можно и натурой. Долг небольшой, думаю, вполне хватит, — спокойно произнёс он, будто речь шла о чём-то обыденном, вроде чашки кофе или пары сигарет.

Валерию бросило в холодный пот, от осознания того, о чём идёт речь. Они ведь не могли сейчас говорить о ней? Или могли? Да нет, Никита не может её так жестоко предать. Эта мысль металась в голове, как птица в клетке, ударяясь о прутья реальности.

— Я тебя на улице подожду, — решительно заявила Лера, её голос дрожал, но она старалась говорить твёрдо. — Пока вы тут дела решаете, — она быстрым шагом направилась к двери, хотя хотелось бежать — бежать как можно дальше, не только от этого места, но и от Волкова, от этого дня, от всего, что вдруг стало казаться чужим и враждебным.

Двухметровый накачанный амбал преградил ей дорогу. Его фигура заполнила дверной проём, словно стена, которую невозможно обойти. От страха сердце девушки пропустило удар, а потом забилось так сильно, что, казалось, вот-вот вырвется из груди.

— Куда же ты, милая? — приторно слащавым голосом заговорил Филипп. — Ты теперь принадлежишь мне, — твёрдо закончил он, и в этих словах не было ни намёка на шутку — только холодная, безжалостная правда.

Схватив девушку под локоть, он вывел её из кабинета. Его пальцы впивались в кожу, оставляя невидимые синяки, и Лера чувствовала, как мир вокруг рушится, рассыпаясь на острые осколки.

— Никита Сергеевич, не смею вас больше задерживать, — кинул Филипп через плечо, и в его голосе звучала насмешка, будто он знал что-то, чего не знал Волков.

— За что? — крикнула она Волкову, и её голос прозвучал как стон, как последний крик надежды, который никто не услышал.

— Ты меня два месяца динамишь, а тут, глядишь, по сговорчивее будешь, — ехидно улыбался он. — Ну и денег у меня правда нет, а долг требуют, — пожал плечами и отправился на выход, его шаги звучали легко, будто он сбрасывал с себя что-то ненужное, что мешало ему идти дальше.

Филип повёл Валерию вниз по лестнице. Ступени были холодными, шершавыми, и каждый шаг отдавался в груди глухим эхом. Они оказались в подвальном помещении — только хорошо отремонтированном, будто роскошь пытались натянуть на саму суть этого места, как красивое платье на уродливое тело. Филипп Иванович завёл девушку в одну из комнат и заговорил, его голос звучал теперь не как угроза, а как приговор.

— В общем, так, слушай и запоминай. Теперь ты моя собственность. Будешь ублажать клиентов. Попытаешься сбежать или начнёшь показывать характер клиентам — на пер-

вый раз отделаю так, что мама родная не узнает, на второй отдам своим парням на круг, ну а на третий прикопаю в каком-нибудь лесочке. Всё ясно? — зло сверкнул глазами, придавая устрашения словам, и в этом взгляде не было ничего человеческого — только холодный расчёт и жестокость.

Лера стояла в таком оцепенении, что не могла и звука выдавить из себя. Она смотрела широко раскрытыми глазами, не веря в происходящее, и думала, что вот сейчас проснётся — проснётся в своей маленькой комнате, где пахнет старыми книгами и чаем, где всё знакомо и безопасно. Но реальность не отпускала, она держала крепко, как стальная петля.

Вскоре появилась женщина с какой-то тряпкой в руках, а Филипп вышел. Женщина была невысокой, с жёстким лицом и тяжёлым взглядом, в котором не было ни сочувствия, ни жалости — только равнодушие, которое ранило сильнее любых слов.

— Снимай свои вещи, — заговорила она, и её голос звучал буднично, как будто речь шла о смене постельного белья. — Они тебе больше не понадобятся. Вот, это наденешь, — протянула то, что держала в руках.

Валерия молча взяла вещь и развернула. Тряпка оказалась коротким шёлковым пеньюаром — нежным, почти невесомым, но в этой лёгкости было что-то унизительное, будто её пытались сделать не человеком, а предметом. Молча переоделась под пристальным взглядом тётки, каждое движение давалось с трудом, будто мышцы отказывались подчиняться.

Всё ещё пребывая в шоке, присела на кровать. Кровать была жёсткой, неудобной, и даже её холод казался частью этого кошмара. Женщина собрала её вещи и вышла, и дверь за ней закрылась с тихим, почти незаметным щелчком, который прозвучал для Леры как удар молота.

В тот же миг вернулся Филипп, оглядел девушку. Его взгляд скользил по ней, раздевая, оценивая, и Лера чувствовала себя обнажённой, даже в этом тонком пеньюаре.

— Ну вот и славно, — улыбнулся он своим мерзким оскалом. — Скоро появится первый клиент, — он подошёл и начал поглаживать её по щеке, и это прикосновение было таким чужим, таким отвратительным, что внутри всё сжалось от ужаса.

В этот момент оцепенение с Леры спало. Она в полной мере ощутила всю грозящую ей опасность — она накрыла её, как волна, сбивающая с ног. Резко соскочив с кровати, девушка отпихнула руку мужчины.

— Никого я ублажать не буду, — прошипела она, и в её голосе прозвучала не только злость, но и отчаяние, горькое и острое, как лезвие. — Вы не имеете права меня здесь удерживать силой.

— А я думал, что ты умная, — со вздохом сказал он и резко замахнулся, ударив Леру звонкой пощёчиной. Звук удара разлетелся по комнате, как разбитое стекло, и на мгновение всё замерло.

Валерия упала на кровать, перед глазами заискрили звёз-

ды, мир на секунду рассыпался на яркие вспышки. Она вновь вскочила, желая дать отпор, собрать остатки гордости и бросить их ему в лицо. Филипп не дал ей сделать лишнего движения — резко приложил рукоятью пистолета по голове. Удар был тяжёлым, глухим, и тьма накрыла её мгновенно, без предупреждения, поглощая всё: боль, страх, надежду — всё, что делало её собой. Девушка потеряла сознание, и мир вокруг растворился в абсолютной, холодной тишине.

ГЛАВА 2

Открыв глаза, девушка пыталась понять, где находится. В голове дико пульсировала сильная боль — она накатывала тяжёлыми волнами, будто кто-то ритмично сжимал виски железными обручами. Каждый удар пульса отдавался в затылке, мешая собраться с мыслями, цепляясь за обрывки воспоминаний, которые всплывали, как тёмные, бесформенные тени на мутной воде. Произошедшее накануне в памяти всплывало частями, кусками, лишёнными логики и связности. Казалось, что мозг хочет защитить свою хозяйку от пережитого стресса, пряча самые страшные моменты за плотной пеленой тумана, оставляя лишь смутные очертания кошмара.

Валерия поднялась с роскошной двуспальной кровати, и её движения были медленными, неуверенными, будто тело не хотело подчиняться, сопротивлялось самой необходимо-

сти двигаться. Кровать была застелена тёмно-бордовым бархатным покрывалом — ткань казалась тяжёлой, почти зловещей, с глубоким, насыщенным оттенком, в котором тонули слабые отблески света, делая цвет ещё более густым, почти чёрным в складках. С потолка свисал балдахин; его складки падали вниз тяжёлыми драпировками, создавая ощущение замкнутого, почти душного пространства, будто комната нарочно была устроена так, чтобы лишить человека ощущения свободы. На прикроватной тумбочке из тёмного дерева стояла настольная лампа — её приглушённый свет расходился по комнате неровными кругами, не рассеивая мрак, а лишь выхватывая из него отдельные детали: резной угол тумбочки, край зеркала, тёмную тень в углу, — и от этого полумрака становилось только страшнее, потому что воображение дорисовывало то, чего не хватало глазам.

Это была вся мебель, что присутствовала в комнате. Остальное пространство скрашивало множество подушек разной формы и размера — они лежали повсюду, в тёмных, приглушённых тонах, будто нарочно подбирались так, чтобы усиливать ощущение уединённости, почти заточения. Стены тоже были выкрашены в тёмно-красные тона — не яркий, живой красный, а скорее цвет засохшей крови, тяжёлый и холодный, от которого по коже пробегал неприятный холодок. Эта интимная обстановка навивала мрачные мысли, давила на сознание, заставляя чувствовать себя не гостьей, а пленницей в искусно оформленной клетке, где роскошь бы-

ла лишь красивой обёрткой для ужаса.

Лера подошла к массивной двери — её поверхность была гладкой, тёмной, с тяжёлой металлической ручкой, которая выглядела одновременно роскошной и угрожающей. Дверь ожидаемо оказалась запертой: когда Валерия потянула за ручку, та не поддалась, лишь глухо щёлкнула, подтверждая её худшие опасения, и этот короткий, сухой звук прозвучал как приговор. Вскоре послышались шаги — тяжёлые, уверенные, будто человек, который их делал, точно знал, куда идёт и что будет дальше. К ним примешивались едва различимые голоса по ту сторону двери, и от интонаций, от этого заискивающего тона у Леры внутри всё сжималось, как от прикосновения чего-то липкого и неприятного.

— Дорогой Баграт Артакович! — говорил заискивающий мужской голос средних лет, в нём слышалась смесь подобострастия и нервозности. — Давно вы не наведывались к нам, — продолжал расшаркиваться приторно-мерзкий голос, от которого у Леры по спине пробегал ледяной сквозняк. — У нас появились новые кадры. Самую лучшую приберегли специально для вас! В нашем клубе её ещё не трогала ни одна рука.

«Вот же лживый говнюк! Не трогали, потому что я здесь от силы пару часов», — подумала Лера, и эта горькая мысль обожгла её изнутри, добавив к страху ещё и чувство беспомощной ярости, горькой и едкой, как дым.

— Девушка молода и очень красива, — продолжал свои

восхваления мужчина, и каждое слово звучало как приговор, как гвоздь, вбиваемый в крышку гроба её прежней жизни. — Она ожидает вас в комнате.

Услышав, как щёлкает замок, Лера попятилась к кровати, её движения стали резкими и неуклюжими, будто она вдруг разучилась управлять собственным телом. Сердце билось так сильно, что, казалось, вот-вот пробьёт грудную клетку. Она залезла под одеяло, натянув его до самого подбородка. Защита так себе, но хоть что-то — в этом жесте было столько отчаяния и детской надежды на то, что если спрятаться, то беда пройдёт мимо. Из одежды на ней был шёлковый пеньюар нежно-розового цвета — его лёгкая, почти невесомая ткань казалась нелепой и неуместной в этой тяжёлой, мрачной комнате, будто её специально подобрали так, чтобы подчеркнуть её уязвимость, выставить напоказ хрупкость, которую так легко сломать.

Дверь открылась, и в комнату уверенной походкой зашёл мужчина. Он двигался так, будто пространство вокруг него само подстраивалось под его шаг, уступая дорогу, признавая его силу. Высокий, широкоплечий, в тёмных джинсах и чёрной обтягивающей футболке — ткань повторяла рельеф накачанного тела, подчёркивая каждую мышцу, каждый изгиб, делая его фигуру ещё более внушительной, почти подавляющей. Смуглая кожа, глаза цвета тёмного шоколада, волосы цвета вороного крыла — всё это вместе с необычным для слуха именем лишь подтверждало догадки девушки. Муж-

чина был явно не из русских, но это не самое страшное. На вид ему было около тридцати пяти, однако каменное выражение лица и мощь фигуры только прибавляли ему возраста, а Валерии — страха перед ним. Эта гора мышц вселяла ужас, подавляя одним своим присутствием, заставляя чувствовать себя крошечной и беззащитной, как листок, попавший под тяжёлый сапог.

Лера ещё сильнее прижимала к себе покрывало, её пальцы впивались в ткань, словно она пыталась найти в ней опору, которой не было. Мужчина продолжал стоять у двери, он так же изучал девушку перед собой — его взгляд был спокойным, почти бесстрастным, но в нём читалась холодная уверенность человека, который привык получать то, что хочет, и не привык слышать слово «нет». Минута напряжённого молчания казалась вечностью для неё: время будто растянулось, каждый миг тянулся бесконечно, наполненный только тишиной и этим тяжёлым, оценивающим взглядом, от которого хотелось провалиться сквозь землю.

Сердце стучало как сумасшедшее, его удары отдавали в горле, мешая дышать, мешая думать, мешая хоть как-то собраться. Валерия понимала, что сейчас должно произойти то, ради чего её здесь заперли. В душе нарастала паника, горячая и колючая, она поднималась изнутри, как волна, готовая накрыть с головой. Для неё это должно было произойти впервые. Но совсем не так она представляла себе этот момент. Совсем не так! Первый секс должен быть с человеком,

которого любишь ты и который любит тебя, в тишине, наполненной доверием и нежностью, а не в этой чужой, мрачной комнате, под чужим, холодным взглядом. А тут что — продали, как бездомную собаку, как вещь. Даже не так. Как рабыню, и мнения не спросили, ещё и к сексу принуждают. Она этого мужика видит впервые. Может, он маньяк или садист. Что с ней будет? От всех этих мыслей, которые толпами носились в голове, становилось только хуже и страшнее, они жалили, как осы, не давая ни секунды покоя.

Как вообще могло так случиться, что её отдали в счёт уплаты долга, как вещь какую-то? Было ясно только одно: нет времени раскисать. Один раз в своей жизни ей уже удалось выбраться из безвыходной ситуации — и тогда казалось, что спасения нет, что всё кончено. Так и сейчас выберется, надо только взять себя в руки и начать мыслить здраво. Но от страха руки тряслись, а мозг отказывался работать, чтобы выдать хоть одну разумную мысль, будто в панике он просто отключился, оставив её одну на растерзание страху. Хотя неудивительно: характер у девушки был специфический. В любой ситуации, даже самой страшной, со стороны Лера выглядела гораздо спокойней, чем внутри. Она умела держать лицо, эмоции всегда должны быть под контролем — этому она научилась ещё в детстве, когда приходилось улыбаться, даже если внутри всё кричало от боли. Действий не предпринимала всегда до самой последней секунды, как говорится, лишь когда пятки гореть начинают, только тогда и

действует. Только не всегда ожидаемо. Может просто впасть в истерику, а может ринуться в бой, даже с неравным противником. Думать, как правило, начинала уже гораздо позже, когда адреналин немного спадал и мир снова обретал чёткие очертания.

Тем временем мужчина стал медленно приближаться, его шаги были тихими, но от этого казались ещё более угрожающими, будто он нарочно старался не шуметь, чтобы застать её врасплох. Он пристально вглядывался в лицо девушки, будто пытался прочитать в нём что-то, что могло бы оправдать то, что он собирался сделать. Наконец, он присел на край кровати. Взгляд тёмных глаз был нечитаемым, непроницаемым, как чёрная вода, в которой ничего не видно. На лице ни одной эмоции, будто он надел маску, за которой скрывалось всё, что он чувствовал. Схватив край покрывала, он стал медленно его стягивать с Леры, оголяя её хрупкие плечи, и это медленное, нарочито неторопливое движение было страшнее любого крика, потому что в нём была уверенность в собственной безнаказанности.

— Пожалуйста, не надо, — жалобно взмолилась она, и её голос прозвучал так тихо, так беспомощно, что ей самой стало стыдно за эту слабость, но она ничего не могла с собой поделать.

— Так зачем ты пришла сюда работать, если боишься и не хочешь? — заговорил он тихим басом с хрипотцой, и в этом голосе не было ни злости, ни раздражения, только холодная,

отстранённая заинтересованность, будто он спрашивал о чём-то обыденном, вроде погоды или расписания поездов. — Вижу, что совсем молоденькая. Что ж заставило тебя пойти на это?

— Я и не хотела сюда попасть, — несмело начала Лера, её голос дрожал, но она старалась говорить чётко, чтобы каждое слово доходило до него, чтобы он услышал её, понял, что она не хотела этого. — Меня парень обманул. Сказал, у него здесь дела, а сам меня за долги оставил. Я пыталась объяснить и домой уйти, но меня не отпустили, — на глаза стали наворачиваться слёзы, горячие и тяжёлые, они мешали видеть, но она не хотела плакать, не хотела показывать свою слабость. — Мне всего семнадцать, — шмыгая носом, закончила она, и в этих словах было столько боли и обиды, что они повисли в воздухе, как тяжёлый запах, который невозможно игнорировать.

— Что?! — Баграт Артакович поменялся в лице. Его глаза стали наливаться кровью, в них вспыхнул гнев, резкий и яркий, как вспышка молнии в тёмном небе. — А ну-ка, пойдём! — он схватил её за руку и потянул за собой, и в этом движении не было ни грубости, ни жестокости, скорее, это была решимость человека, который увидел несправедливость и не собирался с ней мириться.

Валерия с перепугу даже плакать перестала, страх сменился растерянностью, она не понимала, что происходит, но была благодарна за то, что её уводят из этой комнаты, прочь

от того, что должно было случиться. Баграт вывел её из комнаты.

— Какие-то проблемы? — спросил стоявший у двери охранник, его голос звучал лениво, будто происходящее его не касалось, будто он просто выполнял свою работу, не задумываясь о том, что за ней стоит.

— Захлопнись! — рявкнул мужчина, устремляясь вверх по лестнице, и в этом рыке было столько силы, что охранник даже не подумал возразить, просто отступил в сторону, растворяясь в тени коридора.

Лера практически бежала за ним, её ноги едва поспевали за его широкими шагами, и каждый шаг отдавался в груди глухим эхом. Баграт остановился и отпустил руку девушки только в кабинете Филиппа.

— Что за херня?! Бархатов! — злобно гаркнул он, и его голос заполнил комнату, вытесняя из неё весь остальной шум, заставляя всех остальных замолчать и прислушаться.

— В чём проблема? Ерепениться что ли? — привстал он со своего кресла, его лицо выражало лёгкое раздражение, будто ему мешали заниматься важными делами. — Сейчас всё решим. Подберём другую девушку, а с этой мы воспитательную беседу проведём.

— Сейчас я с тобой воспитательную беседу проведу, — зашипел Баграт, и в его голосе звенела такая угроза, что даже Филипп на мгновение замер, почувствовав, что переступил черту. — Какого х** ты мне малолетку подсунул, я тебя

спрашиваю?!

— А, так если проблема только в этом, — чуть расслабился Филипп, будто нашёл лазейку, способ выкрутиться из неприятной ситуации. — Сейчас найдём постарше.

— Не надо мне никого искать. Настроение пропало. Её я забираю, — он вновь взял Валерию за руку, и на этот раз его хватка была не жёсткой, а скорее защитной, будто он хотел показать, что теперь она под его опекой. — И не советую мне препятствовать, если проблем не хочешь, — Баграт зло сверкнул глазами, и в этом взгляде было столько силы и уверенности, что Филипп понял: спорить бесполезно.

С этими словами он вывел девушку из кабинета. Зашёл в соседнюю дверь, а вышел уже с кожаной курткой в руках. Накинул её на плечи Леры. Куртка была намного больше, и девушка в ней буквально утонула, но это ощущение тяжести, плотной ткани, окутавшей её, принесло неожиданное чувство защищённости. Тепло чужой вещи мгновенно стало проникать под кожу, принося расслабление и покой. Ноздри стал щекотать мужской парфюм — древесный запах с нотками лёгкого бриза, он кружил голову, смешиваясь с запахом кожи и чего-то ещё, неуловимого, но очень надёжного.

Оказавшись на улице, Лера вдохнула полной грудью. Воздух свободы был таким свежим, таким чистым, что на мгновение ей показалось, будто она наконец-то проснулась после долгого, тяжёлого кошмара, и теперь мир снова стал нормальным, правильным, добрым. Ещё никогда девушка так

не радовалась свободе, не чувствовала её каждой клеточкой своего тела. Она настолько погрузилась в свои мысли, в это чувство освобождения, что не заметила, как мужчина остановился у машины и повернулся к ней. Лера со всего маху влетела в твёрдую накачанную грудь. Баграт машинально приобнял её за талию, удерживая равновесие, и в этом жесте не было ничего лишнего, только мгновенная реакция сильного человека, который не хочет, чтобы кто-то пострадал. Валерия подняла голову и встретилась с карими глазами. Этот тёмный взгляд настолько завораживал, что терялось ощущение времени и реальности, мир вокруг будто замер, оставляя только их двоих в этом маленьком, замкнутом пространстве. Мужчина первый пришёл в себя и отстранился, открыл заднюю дверь чёрного тонированного джипа. Валерия забралась в машину, предвкушая, что скоро окажется дома и весь этот кошмар закончится, растворится, как утренний туман под лучами солнца.

Пытаясь настроить себя на положительные эмоции, Лера погрузилась в собственные мысли. «Баграт оказался не таким уж плохим, как выглядит внешне. Нет, бесспорно, он вполне привлекательный мужчина, но выглядит так, словно готов убивать. И всё же спас меня. Надо будет как-нибудь отблагодарить его. Только сейчас у меня нет денег. Не думала, что буду жалеть, что лишилась их. Всегда думала, деньги — это зло, и они приносят только проблемы. Теперь как нельзя кстати они мне понадобились, но, увы. Может, ска-

зать банальное спасибо и оставить свой номер телефона. Может, понадобится… ну, не знаю… квартиру убрать что ли. Хотя бред, конечно. Наверняка у него куча прислуги. Да и денег в достатке. А что тогда? Он мне жизнь спас… можно так сказать. Чтоб отплатить, наверное, тоже жизнь ему спасти надо. В порядке бреда наняться к нему в телохранители. Смешно, но равноценной оплаты у меня нет. Буду надеяться, что хватит простого спа…»

Дверь машины открылась, вырывая Леру из мыслей. Она быстро выпрыгнула из машины и только потом заметила, что Баграт не домой её привёз.

— А где это мы? — спросила она, оглядываясь по сторонам, и в её голосе прозвучало лёгкое недоумение, которое быстро сменялось тревогой.

Перед ними располагался двухэтажный особняк с достаточно большой территорией, огороженной высоким забором. Каменные дорожки, красивый сад, освещённый уличными фонариками, выглядели аккуратно и ухоженно, но в этой красоте было что-то отстранённое, будто дом был создан не для уюта, а для демонстрации статуса. Всё смотрелось красиво и, несомненно, дорого, но не гостеприимно.

— Это мой дом, — пояснил он, хотя Лера и так уже догадывалась, и от этих слов по её спине пробежал лёгкий холодок, не от страха, а от осознания, что история ещё не закончилась, что впереди её ждёт что-то новое, неизвестное.

— Я думала, вы меня отвезёте ко мне домой, — прого-

ворила она, и в её словах прозвучала не претензия, а тихая надежда, которая ещё не успела угаснуть. Червячок сомнения, что история ещё не закончилась, стал прокрадываться в сердце, холодный и настойчивый, как капля воды, падающая на камень.

— Поживёшь пока у меня. Филипп может попытаться вернуть тебя обратно, — Баграт двинулся к дому, его шаги звучали уверенно, будто он точно знал, что делает, и не собирался ни с кем это обсуждать.

Лере ничего не оставалось, как последовать за ним.

— А как долго мне у вас гостить? — спросила она, стараясь, чтобы её голос звучал спокойно, но в нём всё равно проскальзывала тревога, тонкая и острая, как лезвие.

— Пока не знаю, — коротко ответил он, не оборачиваясь, и в этой лаконичности было столько окончательности, что спорить не имело смысла.

Он остановился посреди гостиной, и Лера замерла на пороге, будто боялась нарушить эту непривычную тишину. Просторная светлая комната с панорамными окнами казалась островком покоя после всего пережитого: сквозь стекло лился мягкий вечерний свет, окрашивая стены в тёплые золотистые оттенки, а воздух здесь был другим — чистым, без той тяжёлой, душной примеси страха, которая пропитала комнату в клубе.

Дорогой паркет под ногами был отполирован до зеркального блеска — на его гладкой поверхности плясали солнеч-

ные зайчики, словно комната пыталась улыбнуться Лере, показать, что здесь безопасно. Мебель не кричала о богатстве, но выдавала безупречный вкус: два массивных дивана из кремовой кожи стояли друг напротив друга, разделённые стеклянным журнальным столиком, прозрачным и лёгким, будто застывшая капля воды. На противоположной от окон стене располагался камин — большой, основательный, с тёмной каменной отделкой, он выглядел так, будто был сердцем этого дома, способным согреть не только тело, но и душу. Напротив камина стояли два кресла в тон диванам, приглашая присесть, выдохнуть и наконец-то позволить себе расслабиться. В углах располагались большие красивые растения — их сочные зелёные листья тянулись к свету, добавляя комнате живой, естественной гармонии. Лера не разбиралась в цветах, чтобы определить их названия, но ей нравилось, что они здесь есть: в их спокойном, неторопливом росте было что-то умиротворяющее, будто сама природа говорила: «Здесь ты в безопасности».

Тут же находилась чуть изогнутая лестница с деревянными поручнями, ведущая на второй этаж. Тёплый оттенок дерева контрастировал с холодом металла и стекла в остальной обстановке, делая лестницу почти домашней, зовущей подняться выше, туда, где можно спрятаться от всего мира. Сбоку от неё была дверь, а чуть поодаль — ещё несколько дверей, словно дом хранил множество секретов за своими стенами. Одна из них была настежь открыта, и из неё просмат-

ривалась столовая: длинный стол из тёмного дерева, стулья с резными спинками, хрустальная люстра, мягко рассеивающая свет. Всё выглядело не как музейная экспозиция, а как пространство, где действительно живут, где по утрам пьют кофе, а вечерами обсуждают прошедший день.

«Неплохой интерьер, ничего вызывающего и вычурного, — подумала Лера, и в этой мысли прозвучало тихое облегчение. — Здесь не пытаются ослепить роскошью, здесь просто дают почувствовать, что ты не на витрине».

— Пойдём, покажу тебе комнату, в которой ты сможешь остановиться, — с этими словами Баграт стал подниматься на второй этаж, его шаги звучали уверенно и ровно, будто он точно знал, что делает, и был готов нести ответственность за свои решения.

Второй этаж делился коридором на две части. Слева и справа было по три двери, каждая из которых скрывала свою историю, свою атмосферу. Пространство здесь было чуть более камерным, интимным, будто этаж был создан для того, чтобы укрывать, прятать от чужих глаз.

— Это моя, — указал Баграт на первую дверь слева, и в этом коротком жесте прозвучало не хвастовство, а простое обозначение границ: «Это моё, но я не собираюсь вторгаться в твоё». — Вот эта будет твоей, — он открыл последнюю дверь справа, и в его голосе прозвучала неожиданная мягкость, будто ему было важно, чтобы Лере понравилось.

Девушка несмело заглянула в комнату. Слева от двери

располагался платяной шкаф из светлого дерева, его гладкие дверцы словно приглашали спрятать в нём все тревоги и страхи. Напротив стояла двуспальная кровать с высоким изголовьем, застеленная лёгким покрывалом, которое выглядело таким мягким, что хотелось немедленно коснуться его, почувствовать эту нежность кожей. Две прикроватные тумбочки по бокам были украшены изящными латунными ручками, придавая мебели лёгкий налёт винтажности. Справа стоял небольшой комод, лаконичный и функциональный, а за ним виднелась дверь — судя по всему, ванная комната, ещё одно убежище, где можно было остаться наедине с собой.

Вся комната была выдержана в светлых оттенках фиолетового — не кричащего пурпура, а нежного, приглушённого тона, похожего на цвет вечернего неба, когда солнце уже село, но его свет ещё не угас окончательно. Этот цвет обволакивал, успокаивал, словно комната сама по себе была объятием. Мило и неожиданно для такого мужчины, как Баграт, — в этой цветовой гамме не было ни жёсткости, ни агрессии, только тихая забота, которую Лера не сразу смогла распознать.

Спальня понравилась Лере с первой минуты, и это чувство было почти болезненным в своей силе: казалось, она вернулась в детство, в ту маленькую комнату, где пахло ванилью и маминими духами, где на подоконнике стояли фиалки, а на стене висели её детские рисунки. Нахлынули воспо-

минания, тёплые и одновременно горькие, как сладкий чай с каплей лимона.

«Мамочка, как же я по тебе скучаю. По твоим поцелуям на ночь, по нежным объятиям, по душевным разговорам, когда ты слушала меня так, будто не было ничего важнее моих детских тревог. Встретимся ли мы когда-нибудь вновь? Хочется обнять и прижаться, как в детстве. Тогда все проблемы отходили на второй план, чувствовалось спокойствие и защита, будто весь мир был на твоей стороне. Как тяжело одной барахтаться в проблемах взрослого мира, где никто не обещает, что всё будет хорошо. Но я должна справиться. Должна всё преодолеть. Ты дала мне шанс пожить так, как я сама того хочу, сделать выбор самой, и я его не упущу. Обещаю, что пойду до конца и не отступлю. Я ни за что не вернусь в ту клетку, в которой жила», — мысленно прошептала она, и эти слова стали её внутренней клятвой, опорой, которая помогала держаться на ногах, когда земля уходила из-под них.

— Нравится? — спросил Баграт, и в его голосе прозвучало что-то новое, почти уязвимое, будто ему действительно было важно её мнение.

— Да, очень, — проговорила Лера, наконец, проходя в комнату. Её шаги по мягкому ковру звучали тихо, почти неслышно, и от этого казалось, что даже сама комната старается не потревожить её.

— Как тебя зовут? — неожиданно спросил он, будто до этого момента имя было чем-то второстепенным, а теперь

вдруг стало важным.

— Лера… Валерия, — с запинкой отозвалась девушка, и её голос прозвучал чуть тише обычного, будто она боялась нарушить хрупкую тишину комнаты.

— Лера, — протянул он, пробуя имя на вкус, и в этом простом произнесении её имени было столько тепла, что Лера невольно вздрогнула, не привыкшая к тому, что кто-то произносит её имя так бережно. — И как ты жила, девочка Лера? Может, тебе надо позвонить родителям, чтоб не волновались?

— Нет. Мне некому звонить. Я живу одна, — ответила она, и в этих словах прозвучала не жалоба, а простая констатация факта, горькая и привычная, как старая царапина, которая уже не болит, но всё ещё видна.

— Это как? — удивился Баграт, и в его взгляде мелькнуло искреннее недоумение, будто сама мысль о том, что семнадцатилетняя девушка может быть совершенно одна в этом мире, казалась ему чем-то неправильным, почти невозможным.

— Так и есть, — она села на кровать, и матрас мягко принял её вес, словно тоже хотел поддержать. — Отца я не знала. Мама умерла, когда мне было десять. Я жила с отчимом. После смерти мамы он стал пить, но меня не обижал. Мы жили бедно, но вполне прилично. Четыре месяца назад мы попали в аварию. Он погиб, а я два месяца провела в больнице. Я уговорила соседку оформить опеку. Через месяц мне испол-

нится восемнадцать. Не хотела попасть в детский дом, хоть и ненадолго. Тётя Катя согласилась, но мы живём каждый своей жизнью. Единственное, что я пообещала, — не влезать в истории и не усложнять ей жизнь. До сегодняшнего дня мне это прекрасно удавалось, — она горько усмехнулась, и эта усмешка была похожа на попытку улыбнуться сквозь слёзы: в ней было столько усталости и самоиронии, что у Баграта что-то дрогнуло в лице, будто он впервые увидел не испуганную девочку, а человека, который слишком рано узнал, как бывает жесток мир.

— Ясно, — коротко произнёс он, и в этом слове прозвучало не равнодушие, а принятие: он услышал её, понял и не собирался судить. — Ну тогда отдыхай, — мужчина вышел из комнаты и прикрыл за собой дверь, и этот тихий щелчок замка прозвучал не как преграда, а как обещание: «Пока ты здесь, никто тебя не тронет».

ГЛАВА 3

Прошла неделя с тех пор, как Валерия живёт у Баграта. Семь дней, которые должны были показаться кошмаром, но вместо этого превратились в странную, тревожную привычку, от которой невозможно избавиться. Он купил вещи первой необходимости и кое-какую одежду — выбирал сам, без лишних вопросов, и Лера с удивлением обнаружила, что всё подошло, будто он угадал её размер одним взглядом. Каждая

вещь была простой, но качественной, и в этом выборе чувствовалась не щедрость, а забота, которую Баграт, кажется, сам не до конца осознавал.

Лера пыталась неоднократно намекнуть, что ей пора домой, но Баграт всякий раз находил причины, чтобы она осталась. По большей части давил на то, что Филипп ещё не забыл о её существовании, и каждый раз, когда он произносил это имя, в его голосе звенела такая тревога, что Лере становилось не по себе — не от страха перед Филиппом, а от осознания того, что Баграт беспокоится за неё, и это беспокойство было настоящим, неподдельным, как запах свежесваренного кофе по утрам.

Валерию же Филипп не так пугает, как чувства и эмоции, которые она стала испытывать в присутствии Баграта. Он особо ничего не делал — не пытался понравиться, не искал повода прикоснуться, не говорил лишних слов, — а у Леры просыпалась симпатия, тихая и настойчивая, как весенний ручеёк, который пробивает лёд, не спрашивая разрешения. Ей даже стало казаться, что Баграт тоже бросает на неё долгие задумчивые взгляды, когда думает, что она не видит, — взгляд задерживался на ней на секунду дольше, чем нужно, а потом резко отскакивал, будто обжёгся. Она гнала от себя эти мысли, как гонят муху, которая упорно возвращается. Такого мужчину не может привлечь обычная девчонка, — повторяла она себе, и каждый раз эти слова звучали всё менее убедительно.

Лера слонялась без дела по дому, и это бездействие изматывало сильнее любой работы. Ещё совсем недавно она училась и подрабатывала по вечерам, каждый день был расписан по минутам, и в этой спешке, в этом ритме была своя уверенность, своя опора. А теперь она не знает, чем себя занять. Казалось, изучила уже каждый уголок этого дома: каждый crack на паркете, каждый изгиб лестничных перил, каждый оттенок света, который падал через панорамные окна в разные часы дня. Баграт большую часть времени пропадает на работе и приезжает только к ужину, и его приезд стал для Леры тем моментом, которого она ждала, хотя никогда бы в этом не призналась.

У него всего одна помощница по дому — немолодая женщина с поджатыми губами и цепким, оценивающим взглядом, который скользил по Лере с нескрываемым недовольством. Она следила за порядком и хозяйничала на кухне, двигаясь бесшумно и точно, как заведённый механизм. Общаться с Валерией не стремилась — в основном делала вид, что девушки нет, будто Лера была призраком, который случайно поселился в доме и не заслуживал даже приветственного кивка. Все её фразы сводились к оповещению о приёме пищи, произнесённым ровным, безэмоциональным тоном, от которого повеяло казённой холодностью. Поговорить можно лишь с Багратом, за ужином, и эти вечера, когда они сидели друг напротив друга за длинным столом, стали единственным временем, когда дом переставал казаться зо-

лотой клеткой.

Вот и сейчас, до ужина ещё пара часов, и ей нечем себя занять. Лера слонялась по комнатам, перебирая в руках cellphone, который Баграт ей дал «для связи», и который она так ни разу и не использовала, потому что звонить было некому. Спустилась вниз и вдруг услышала приглушённый голос, который шёл откуда-то из глубины дома, и от этого голоса по коже пробежал холодок — не от страха, а от неожиданности.

«Странно, Баграт должен быть ещё на работе», — подумала она, но пошла на голос, подчиняясь не любопытству, а скорее тому странному притяжению, которое заставляло её искать его присутствия, даже когда она сама себе это запрещала.

Голос доносился из кабинета. Дверь была приоткрыта — узкая полоса света падала на тёмный паркет, и в этой полосе плясали крошечные пылинки, будто даже воздух замер, прислушиваясь к разговору. Девушка тихо подкралась к двери, стараясь ступать как можно тише, и её сердце билось так громко, что казалось, оно выдаст её с головой.

— Что ты несёшь, Асхат? Кто, как не ты, должен понимать, что после того, что случилось, дети для меня — большое табу, — он тяжело вздохнул, и в этом вздохе была боль, глубокая, застарелая, как рана, которая зажила, но ноет на смену погоды. — Я никогда на это не пойду. Уж лучше себе руки отрежу, чем решусь на это… подожди секунду, —

послышались приближающиеся шаги к двери, и Лера почувствовала, как кровь стынет в жилах.

Лера как можно тише стала отходить в сторону столовой, её движения были судорожными и неловкими, будто она вдруг разучилась ходить. Каждый шаг казался слишком громким, каждый вдох — слишком шумным. Только оказавшись в столовой, смогла перевести дыхание и восстановить ритм сердца, который сбился, как сломанный метроном.

«Чуть не застукал за подслушиванием. Как было бы стыдно. Интересно, что у него произошло? Почему он не хочет детей? Наверное, какая-то трагедия, что-то, что оставило след глубже любого шрама. Я о нём совершенно ничего не знаю. Вдруг он знаком с моей семьёй? Он ведь бизнесмен, наверняка у него много знакомых. Ох, как бы я не хотела столкнуться с кем-нибудь из прошлой жизни. Для меня это чревато большими последствиями. Надо поскорее убедить его отпустить меня. Может, даже сейчас. Попробую с ним поговорить», — мысли метались, как птицы в клетке, ударяясь о прутья реальности и не находя выхода.

Лера рванула к выходу из столовой и влетела в твёрдую накачанную грудь, будто стену, которая возникла из ниоткуда. Баграт обхватил её за талию, чтобы удержать, и его пальцы на секунду сжались крепче, чем нужно, будто он тоже был не готов к этому столкновению, тоже не ожидал, что она будет так близко.

— Я хотела поговорить, — начала она, встречаясь взгля-

дом, и слова застряли в горле, потому что омут почти чёрных глаз стал затягивать, как воронка, засасывая все мысли, все страхи, все намерения. Мысли улетучивались, растворяясь в этой тьме, и Валерия пыталась вернуть себе самообладание, цепляясь за остатки разума, как утопающий цепляется за обломки мачты.

— Я тоже хотел поговорить. Точнее, попросить, — он продолжал придерживать её за талию, и его руки были тёплыми и тяжёлыми, будто единственной опорой в зыбком мире, который качался под ногами.

— Хорошо. Я слушаю, — предоставила ему шанс высказаться первым, так как сама растеряла все мысли из-за его близости, которая ощущалась как жар, исходящий от костра, к которому подошёл слишком близко.

— Может, присядем? — взял её за руку и повёл к дивану в гостиной. Его ладонь была сухой и шершавой, и от этого прикосновения по руке Леры пробежала волна мурашек, которая поднялась до самого плеча. Сев друг к другу лицом, Баграт продолжил: — В эту субботу у меня в доме состоится приём. Я заключил выгодную сделку и устраиваю праздник по этому поводу, — немного помолчав, шумно выдохнул, и в этом выдохе слышалось что-то похожее на смущение, будто он не привык просить, а не приказывать. — В общем, я хотел попросить тебя быть моей спутницей на вечере. Постоянной девушки у меня нет. Я обычно нахожу кого-нибудь. А сейчас нет времени искать. Приём уже послезавтра, а ты всё равно

здесь, заодно и развеешься, — он проговорил это на одном дыхании, то ли боясь, что Лера откажет, то ли боясь сам передумать, и в его голосе, обычно ровном и уверенном, промелькнула нотка неуверенности, которую он пытался скрыть за потоком слов.

«Хороший способ развеяться, ничего не скажешь! Вот этого я и боялась. Что же делать? Отказать неудобно. Всё же он мне помог. Но что-то подсказывает, что я очень пожалею, если соглашусь», — мысли путались, и каждая из них тянула в свою сторону, как верёвки, привязанные к рукам и ногам.

— Ну, что скажешь? — спросил он, когда пауза затянулась, и в этой паузе было столько напряжения, что воздух, казалось, можно было резать ножом.

— Я не знаю.Не хочу испортить тебе праздник, — неуверенно произнесла девушка, и её голос прозвучал тихо, почти виновато, будто она и вправду боялась что-то разрушить.

— Ты ничего не испортишь. Там надо-то всего лишь улыбаться. Я буду всегда рядом, — и в этих словах, сказанных просто, без лишних украшений, было больше обещания, чем в любой клятве.

— А много будет гостей?

— Да нет. Небольшой круг самых близких знакомых и пара тех, кого просто необходимо пригласить, — он чуть поморщился на последних словах, будто сама мысль об этих «необходимых» гостях вызывала у него досаду.

— Ну, хорошо, — согласилась Лера, и это согласие про-

звучало как шаг с обрыва, когда ноги уже оторвались от земли, а лететь ещё долго.

«Господи, только бы не пожалеть об этом», — подумала она, и эта мысль засела в голове, как заноза.

— Завтра доставят платье и всё, что нужно, я договорюсь. А в субботу приедут специально обученные люди и помогут собраться. Причёска, макияж и всё остальное, — он поднялся с дивана, и его движения были резкими, почти нервными, будто он боялся, что если задержится ещё хоть на секунду, то скажет что-то лишнее. — К ужину приедет мой друг, он пробудет здесь до приёма, — Лера кивнула, и Баграт поспешил уйти, его шаги звучали быстро, почти по-мальчишески, и в этой поспешности было что-то трогательное, будто он убегал не от неё, а от собственных чувств.

«Что-то он сильно нервничает, наверное, этот приём для него много значит. Может, предложить помощь с подготовкой? Пойду, спрошу», — и эта мысль была не столько заботой, сколько предлогом, чтобы оказаться рядом с ним ещё раз, чтобы почувствовать его присутствие, которое становилось необходимым, как воздух.

Девушка отправилась на поиски хозяина дома. Кабинет был пуст — дверь распахнута, тёмное дерево стола поблёскивало в свете настольной лампы, а кресло ещё хранило вмятину от его тела. Она поднялась наверх, и каждый шаг по лестнице отдавался в груди глухим эхом. Постучав в дверь его спальни, она приоткрыла её и замерла на пороге, боясь

нарушить то, что увидела.

— Можно? — замешкалась Лера. Мужчина сидел на кровати и держался за голову, его плечи были опущены, а поза выглядела настолько беззащитной, что у Леры сжалось сердце: этот человек, который казался несокрушимым, как скала, сейчас выглядел уставшим и потерянным, будто весь вес мира лежал на его плечах. — Тебе плохо? — забеспокоилась она и прошла, не дожидаясь ответа, потому что тревога оказалась сильнее нерешительности.

— Нет, просто голова болит, — поднял на неё взгляд, когда она остановилась напротив, и в этих тёмных глазах, обычно непроницаемых, сейчас читалась усталость, глубокая и тяжёлая, как свинец.

— Могу сделать массаж головы. Мне мама показывала нужные точки. Боль утихнет, — нерешительно предложила Валерия, и в её голосе звучала такая осторожность, будто она предлагала нечто гораздо большее, чем просто массаж.

— Ну, попробуй, — согласился Баграт, и в этом согласии было столько доверия, что Лера почувствовала, как внутри что-то дрогнуло, растаяло, как льдинка на тёплой ладони.

Девушка запустила руки в его волосы. Они оказались на удивление мягкими, не то что она ожидала от такого жёсткого мужчины, — густые, тёплые, скользящие между пальцами, как шёлк. Как давно она мечтала прикоснуться к нему. Каждый раз, когда смотрела в чарующие глаза, руки так и зудели прикоснуться, почувствовать, узнать, какой он на

ощупь, за этой бронёй из мускулов и камня.

Маленькими пальчиками медленно перебирала кожу головы, погружаясь в ощущения, которые накрывали её, как тёплая волна. Краем глаза заметила, как Баграт расслабился и прикрыл веки, и его лицо, обычно жёсткое, замкнутое, словно высеченное из гранита, стало почти мягким, почти уязвимым, и в этой мягкости было что-то настолько интимное, что у Леры перехватило дыхание. Проходя от затылка к шее, мужчина наклонил голову вперёд и уперся лбом в её живот, сделав глубокий вдох, и это прикосновение, это тихое, беззвучное прижатие было страшнее любого поцелуя, потому что в нём не было ни вызова, ни желания — только усталость и просьба о тепле, которую он, наверное, никогда бы не произнёс вслух. По телу Валерии пробежали мурашки, густые и горячие, как электрический разряд, который прошёл от макушки до кончиков пальцев на ногах.

Лера стала переходить на плечи, разминая напряжённые мышцы. Они казались каменными, застывшими, будто он нёс на них тяжесть, которую невозможно было сбросить. Она так увлеклась своим занятием, так погрузилась в ощущение его тела под своими руками, что не сразу заметила, как руки мужчины стали поглаживать её поясницу — медленно, едва ощутимо, будто он боялся спугнуть, нарушить этот хрупкий, невесомый момент. Когда же Лера заметила, она замерла, и в этой неподвижности было столько напряжения, что воздух вокруг, казалось, загустел. Тело покрывалось мурашка-

ми, которые бежали рядами, как волны. Разнося жар по всему телу, оседая внизу живота, тёплым и тягучим, как мёд. Руки стали мелко подрагивать, и она не могла их остановить, как не могла остановить своё сердце, которое билось где-то в горле, мешая дышать.

Баграт поднял голову, они встретились глазами. Его зрачки расширились, тёмные, бездонные, взгляд стал чернее грозовой тучи, и в этом взгляде было всё то, что он так старательно прятал за каменной маской: голод, жажда, желание, и ещё что-то, чему она не могла дать название, но что обжигало сильнее огня. Надавил на поясницу, призывая девушку придвинуться ближе, и в этом жесте не было насилия, только мольба, которую он не мог высказать словами. Валерия поддалась и опустилась к нему на колени, опираясь своими на кровать по сторонам от его бёдер. Руки Баграта стали двигаться по всей спине, медленно, жадно, будто он запоминал каждый изгиб, каждую впадину, каждую линию. Лерины же покоились на его плечах, и она чувствовала под пальцами жар его тела, который проникал сквозь ткань, обжигая кончики пальцев.

Она продолжала смотреть в глаза мужчины и тонуть в этих чёрных омутах, которые затягивали всё глубже, не оставляя ни шанса на спасение. В какой-то момент он начал приближаться к ней, медленно, как хищник, который знает, что добыча никуда не денется, и в этом приближении было столько нетерпения, сдерживаемого с таким трудом, что ка-

залось, ещё секунда — и оно вырвется наружу. Чувствуя жар его дыхания на своих губах, поняла, что пропала, что этот момент был неизбежен с того самого дня, когда он вошёл в ту мрачную комнату, и теперь уже не в силах отказаться от столь манящих губ. Подалась вперёд, сокращая то незначительное расстояние, и их губы слились в поцелуе, который сначала был нежным и лёгким, как прикосновение крыла бабочки, а потом стал переходить в более жаркий и страстный, как пламя, которое перекинулось с одного дерева на другое и охватило весь лес.

Одна рука Баграта легла на затылок Леры, зарываясь в тёмные волосы, вторая забралась под футболку и нежно проходилась по спине, и от этих прикосновений кожа горела, будто её касались раскалёнными углями. Жар в низу живота девушки нарастал, превращаясь в желание, густое и невыносимое, как предгрозовой воздух, который становится таким тяжёлым, что дышать невозможно. Она начала ерзать, в надежде унять его, но каждое движение только усиливало ощущение, и расстояние между тем, что есть, и тем, чего хочется, становилось всё меньше.

Раздалась мелодия телефонного звонка, вырывая из наваждения, как ушат ледяной воды. Они резко отстранились друг от друга, и в этом резком разрыве было что-то болезненное, как оторванный пластырь, который сняли слишком быстро.

— Прости, — приподняв её за талию, Баграт поставил Ле-

ру на ноги и встал сам, его движения были резкими, почти грубыми, будто он наказывал себя за то, что произошло. — Прости, я не должен был… не знаю, что на меня нашло… этого больше не повторится. Прости, — он взял телефон, отвечая на звонок, вышел из комнаты, и его шаги звучали быстро и жёстко, как приговор.

Валерия прошлась пальцами по губам, всё ещё чувствуя его вкус на них, и этот вкус был одновременно сладким и горьким, как первое вино, от которого кружится голова.

«Что это было? Боже, кажется, я начинаю влюбляться. Этого нельзя допустить. Шанс, что мы будем вместе, ничтожно мал. А я не хочу страдать. После приёма нужно уходить, любыми способами», — и эти мысли звучали как клятва, которую она давала самой себе, но в глубине души уже знала, что не сдержит.

Лера спустилась в гостиную и услышала разговор на повышенных тонах, который шёл из кабинета, и голоса были такими громкими, что не услышать их было невозможно, будто стены дома решили выдать все секреты, которые он так тщательно охранял.

— Зачем я тебя послушал! Ещё даже не день приёма, а я уже чуть не сорвался, — выговаривал Баграт, и в его голосе звенело такое раздражение, но не на друга, а на себя, будто он злился, что не смог удержаться, что позволил чувствам взять верх над разумом. — Надо отправить её домой и всё забыть.

— Чего ты так боишься, Рат? — послышался весёлый голос, в котором звучала лёгкая насмешка, но не злая, а дружеская, как подколка между близкими людьми. — Закрутится у вас лёгкий романчик. Что с того?

— Ты дебил или прикидываешься?! Ей семнадцать! А мне тридцать три! Тридцать три, понимаешь? Между нами пропасть. Полжизни! Мне пора остепениться и жениться. А ей ещё гулять и гулять. Я уж молчу о социальной разнице. Хотя… ты знаешь, иногда мне кажется, что Лера вполне может влиться во все прелести нашей жизни. У неё очень хорошие манеры, — и в этих последних словах, сказанных почти шёпотом, было столько нежности, что Лера почувствовала, как сердце подпрыгнуло и замерло, как птица, которая на лету увидела что-то, чего не могла поверить.

— Ну вот и славно. Просто отпусти ситуацию. А что касается возраста, так сам говорил, что ей восемнадцать меньше, чем через месяц исполнится, — голос друга звучал спокойно и уверенно, как голос человека, который видит то, что другой refuses to see.

— Господи, перед кем я распинаюсь? — тяжело вздохнул Баграт, и в этом вздохе было столько усталости и столько тоски, что Лере стало больно, физически больно, будто она слышала не его, а себя. — Ты мне лучше скажи, этот приедет на приём?

Лера быстро поднялась в свою комнату, её шаги по лестнице звучали торопливо, а сердце колотилось так, что, каза-

лось, вот-вот вырвется из груди. Она закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и прижала ладони к горящим щекам.

«Значит, он тоже чувствует притяжение. Что ж, поиграем. Посмотрим, как долго ты сможешь продержаться», — в девушке проснулся азарт, дерзкий и горячий, как искра, которая упала в сухую траву. Соблазнить взрослого мужчину казалось заманчивым, и в этом желании не было ни расчёта, ни хитрости, только молодость, которая не умеет бояться, и чувства, которые не умеют ждать.

ГЛАВА 4

Баграт.

Баграту не спалось. Он лежал, уставившись в потолок, по которому скользили тусклые отсветы уличного фонаря — будто кто-то водил по белизне мокрой кистью, размывая чёткие линии и оставляя серые разводы. В комнате висела тяжёлая тишина, нарушаемая лишь редким шорохом ветра за окном, и эта тишина давила сильнее любого шума. Он переживал за Валерию.

«Может, я её напугал? Даже к ужину не спустилась. Я же держал себя в руках… Как так вышло-то? Её близость на меня слишком сильно влияет. Эти большие изумрудные глаза действуют как магнит. Стоит только встретиться взглядом — и я начинаю терять голову, как мальчишка. С каждым днём держать себя в руках становится всё труднее. Я и

так почти прописался в офисе. Она такая маленькая, хрупкая и нежная — хочется её защитить от всего мира. Увидев потерянное лицо впервые, внутри что-то щёлкнуло. А узнав возраст, вообще крышу сорвало. Кое-как удержался, чтоб не придушить Филиппа. Так надо спать. Завтра куча дел. Надо всё подготовить к приёму. Главное — не сорваться на вечере. Я должен выдержать присутствие Янгельского. Эта тварь должна от злости сдохнуть от того, что я увёл такой контракт из-под его носа. Как вспомню, что они со Светлицким собирались объединиться… Я бы многое потерял, если б им это удалось. Две коварные гиены. Даже друг другу не доверяют. Согласны объединить компании, только породнившись. Нехорошо, конечно, так думать, но вовремя тогда дочь Светлицкого умерла. С её смертью и накрылся их план. Теперь же надо плавно и методично убрать с дороги обоих. Так спать! Совсем разберусь завтра», — мысленно повторял он, будто эти фразы могли стать заклинанием, способным вернуть ему привычную холодную собранность. Но слова рассыпались, не успевая закрепиться, и на их место тут же приходили другие — о Лере, о её взгляде, о том, как она вздрагивала от резких звуков, как прятала руки в рукава, когда нервничала.

Утро было не таким радужным. Небо за окнами висело серым, плотным полотном, будто не решалось пролиться дождём, и этот неопределённый, вязкий свет ложился на предметы, лишая их яркости, делая будничными даже роскошные детали интерьера. Недосып сказывался на внешнем ви-

де и настроении: в зеркале Баграт видел не привычного себе уверенного хищника, а уставшего мужчину с тёмными кругами под глазами и жёсткой складкой у рта. Он взял выходной в преддверии праздника, но вместо отдыха чувствовал себя так, будто вместо сна провёл ночь на ринге. Хмурый, почти угрюмый, он спустился в столовую, мечтая только об одном — выпить кофе, чтобы вернуть себе способность мыслить здраво.

За столом уже сидел Асхат. Его непринуждённая поза, лёгкая улыбка и бодрый вид казались Баграту почти оскорбительными — как будто друг нарочно демонстрировал, каким должен быть нормальный, спокойный, не терзаемый противоречиями человек.

— Выглядишь не очень, — улыбался Асхат, и в его голосе не было ни капли сочувствия — только весёлое любопытство, от которого хотелось зарычать.

— Чувствую себя ещё хуже, — процедил Баграт, опускаясь на стул. Полночи не мог уснуть, — он взял кружку с кофе и сделал живительный первый глоток. Горячий напиток обжёг язык, но этот резкий, почти болезненный импульс был даже приятен — он доказывал, что Баграт всё ещё способен чувствовать хоть что-то, кроме тревоги и вины.

— Всем доброе утро! — с улыбкой поприветствовала Лера, подходя к столу, и в этот момент мир будто встряхнулся, сбрасывая серую пелену. Она стояла в коротеньких шортиках и в облегающем топике на бретельках, и в этом простом,

почти домашнем наряде было столько юной, живой энергии, что она казалась не девушкой, а солнечным зайчиком, случайно залетевшим в этот мрачный дом. Вся светилась изнутри. Глаза горели, будто в них отражалось не тусклое утро, а яркое летнее солнце. Девушка села за стол, и её движения были лёгкими, почти танцующими, как будто она не шла, а скользила по воздуху.

— Что за прекрасная нимфа нас озарила своим присутствием? — начал осыпать комплиментами Асхат, и его голос звучал так непринуждённо, так легко, что Баграту захотелось схватить друга за воротник и встряхнуть, чтобы стереть эту улыбку.

— Я Валерия, — она с улыбкой протянула руку, и в этом жесте не было ни кокетства, ни желания понравиться — только искреннее желание познакомиться, быть принятой, стать частью этого утра.

— Асхат, друг этого хмурого человека, — он взял ладонь девушки и поцеловал тыльную сторону руки с лукавой улыбкой, и этот старомодный, нарочито галантный жест вдруг показался Баграту невыносимо интимным, будто Асхат позволил себе то, что было позволено только ему.

Наблюдая за происходящим, Баграт стал закипать от злости, глядя, как воркуют эти голубки. В груди разрасталось тяжёлое, колючее чувство, которое он не сразу смог назвать, а когда понял, что это ревность, — оно обожгло его, как глоток слишком горячего кофе.

— Рат, что ж ты молчал, что у тебя гостит такое прекрасное создание? Я бы приехал гораздо раньше, — веселился друг, и каждое его слово падало на нервы Баграта, как капли воды на раскалённую сковороду.

— Ас, угомонись, — скрепя зубами, говорил Баграт. — Не смущай девушку.

Асхат был знатным ловеласом и всегда располагал к себе женский пол. Внешность была подходящей: среднего роста, в меру накачан, лицо хоть сейчас на обложку. Шоколадного цвета волосы, зелёные глаза — в общем, мечта многих женщин. Тридцатилетний богатый холостяк. Одни достоинства. Но именно сейчас все эти достоинства казались Баграту не достоинствами, а оружием, направленным прямо в его грудь.

— А кто смущает? Я просто знакомлюсь, — пожал плечами Асхат, посмотрев на Леру, и в его взгляде не было ничего, кроме дружеского интереса, но Баграту казалось, что друг нарочно играет, дразнит его, проверяет, насколько далеко можно зайти. — Я ведь вас не смутил?

— Нет, — она мило улыбалась, и от этой улыбки у Баграта что-то сжималось внутри, будто кто-то осторожно, но крепко сжал его сердце.

А он всё больше закипал, и эта злость была направлена не на Асхата и не на Леру — она была направлена на него самого, на то, что он не мог контролировать свои реакции, на то, что эта девочка могла заставить его чувствовать себя беспомощным мальчишкой.

«Что это? Ревность? Быть того не может. Я ведь не ревнивый человек. Лера даже не моя девушка. Так почему на душе так погано? Чувствую, скучно мне не будет эти дни», — думал он, пытаясь ухватиться за остатки привычного самоконтроля, но тот ускользал, как вода сквозь пальцы.

После завтрака Баграт под предлогом важных дел позвал Асхата в кабинет. Воздух в комнате был прохладным и пах полиролью и старой бумагой, но Баграту казалось, что здесь душно, будто стены сжимаются, подгоняя его к разговору, которого он не хотел.

— Не трогай Леру, — начал он с порога, и голос прозвучал резче, чем он планировал, грубее, чем хотелось.

— Ты что, ревнуешь? — улыбался Асхат, и эта улыбка была не насмешливой, а понимающей, будто он давно знал то, что Баграт только сейчас начал осознавать.

— Я не ревную, просто я тебя знаю. Не лезь к ней, — он пытался сохранять спокойствие, но в голосе уже звенели металлические нотки, выдававшие напряжение.

— И всё-таки ревнуешь, — Ас блистал зубами, и в этой весёлой уверенности было что-то успокаивающее, будто друг говорил: «Я вижу тебя. И я не враг».

— Знаю я, чем заканчиваются твои разговоры, — рыкнул Баграт, и звук собственного голоса показался ему чужим, слишком громким, слишком злым. — А она ещё ребёнок.

— Я уже тебе говорил, что она не ребёнок. И я не собираюсь уводить девушку у друга, — с небольшой обидой ото-

звался Асхат, и в этих словах прозвучала искренность, которая заставила Баграта на секунду почувствовать себя виноватым.

— Она не моя девушка, — парировал он, но даже ему самому эти слова показались жалкой попыткой защититься.

— Ты уж определись, — с этими словами друг покинул кабинет, и дверь тихо щёлкнула, закрываясь, оставив Баграта одного наедине с его мыслями, которые кружились, как осенние листья на ветру.

«Главное — держать себя в руках. После приёма я её отпущу. Я должен её отпустить. Ей не нужен взрослый мужик с багажом проблем за плечами. Вечно хмурый и недовольный. Лера достойна праздника каждый день. Ей нужен молодой и необременённый заботами. Я её отпущу», — уговаривал он сам себя, и эти слова звучали как клятва, которую он давал не кому-то, а той части себя, которая хотела верить, что он способен поступить правильно, даже если это причинит боль.

ГЛАВА 5

Валерия.

После завтрака Баграт закрылся в своём кабинете, и дверь за ним щёлкнула с такой окончательной интонацией, что Лера сразу поняла: беспокоить его нельзя. Тяжёлая дубовая створка будто отрезала её от чего-то важного, от возможно-

сти просто подойти, присесть рядом, сказать что-нибудь пустяковое, лишь бы видеть, как в его глазах на секунду тает привычная суровость. Она так и не смогла придумать предлог, чтоб его побеспокоить, и это бессилие неприятно царапало изнутри, как шероховатый край стекла.

Решила посидеть у камина в гостиной. Пламя лениво лизало поленья, выбрасывая вверх тонкие золотые язычки, и в этом тихом танце огня было что-то убаюкивающее, почти гипнотическое. Лера опустилась на мягкий плед, поджала ноги, обхватила колени руками, и на мгновение ей показалось, что она снова маленькая девочка, которая прячется от взрослых бурь у домашнего очага. Но вместо уюта пришло беспокойство — густое, вязкое, оно оседало в груди, мешая дышать спокойно.

Мыслей в голове была куча. Они сменяли друг друга, не позволяя сконцентрироваться на чём-то одном, кружились, как осенние листья в порыве ветра: то цеплялись за воспоминание о вчерашнем поцелуе, обжигая щёки румянцем, то падали в холодную яму тревоги перед завтрашним приёмом, то вдруг спотыкались о простую бытовую тоску по прежней жизни — по той, где всё было понятно и привычно, пусть и бедно, но зато без этой давящей роскоши и чужих ожиданий.

«Может, зря я так вела себя за завтраком? Подумает ещё, что я легкодоступная. Зачем я вообще решила его соблазнять? Ну, привлекаю я его внешне. Что с того? Мне всё равно пора возвращаться в свою жизнь. Знать бы ещё, где она,

моя жизнь, и куда возвращаться. Ещё этот приём. Почему же на душе так неспокойно? Может, зря я согласилась. Хочется запереться в комнате и не выходить до утра. Или я себя напрасно накручиваю. Сказал же, будут только близкие. Если мы раньше не встречались, значит, у нас нет общих знакомых. Надо просто успокоиться», — она мысленно повторяла эти фразы, будто пыталась убедить саму себя, но они звучали фальшиво, как плохо заученные строки.

— Скучаешь? — Асхат опустился в соседнее кресло, и его движение было таким непринуждённым, таким лёгким, что Лера невольно позавидовала этой способности не носить в себе тяжесть мира.

— Есть немного. Трудно сидеть без дела, — поддержала разговор она, и собственный голос прозвучал чуть тише, чем хотелось, будто она боялась нарушить хрупкое спокойствие комнаты.

— Может, тогда поболтаем? Скоротаем время, — предложил он, и в его улыбке не было ни намёка на флирт, только искреннее желание просто быть рядом, не дать ей утонуть в собственных мыслях.

— Я не против, — пожала она плечами, и этот простой жест вдруг принёс облегчение — не нужно было притворяться сильной и собранной.

Они заговорили о пустяках, и постепенно напряжение стало отпускать, уступая место чему-то похожему на доверие. Разговор тек легко, петляя от одного к другому, и Лера даже

забыла на время, что она здесь чужая, что её жизнь висит на тонкой нити неопределённости.

— Чем занималась раньше? — начал с безобидного вопроса Асхат, и в его голосе не было ни снисхождения, ни любопытства сплетника — только спокойный интерес человека, который действительно хочет услышать ответ.

— Училась, подрабатывала в кафе. Ничего особенного, — ответила она, и эти слова, сказанные просто, без пафоса, вдруг прозвучали как маленькая гордость: она сама зарабатывала себе на жизнь, сама решала, как ей быть, и пусть это были копейки, но они были честно заработаны.

— Переживаешь из-за завтрашнего дня?

— Немного. Не хочу всё испортить, — призналась Лера, и в этой честности было столько уязвимости, что Асхат сразу постарался её прикрыть, как закрывают ладонью свечу, чтобы не задуло ветром.

— Да брось. Там не будет экзаменов по этикету. Так, знакомства и непринуждённые разговоры, — подбадривал он, и его уверенность, пусть и немного наигранная, всё равно согревала.

— А ты всех знаешь, кто там будет? — решила уточнить она, цепляясь за эту ниточку информации, как за спасательный круг.

— Большую часть. Будут как адекватные персонажи, так и чересчур заносчивые. От последних предпочитаю держаться подальше, и тебе советую, чтоб настроение не портить, — он

чуть поморщился, вспоминая, видимо, кого-то конкретного, и эта гримаска сделала его в глазах Леры чуть человечнее, чуть ближе.

— Тебе нравится бывать на таких приёмах?

— Скорее это необходимость. Бизнесмен должен быть в курсе последних новостей, ну и выгодные знакомства никто не отменял, — он пожал плечами, и в этом жесте было столько усталости от бесконечной игры, что Лера вдруг увидела за его лёгкой улыбкой совсем другого человека — не беззаботного плейбоя, а мужчину, который тоже несёт на себе груз ответственности, просто делает это с улыбкой.

— Вынужденные меры, получается. Деньги приносят больше проблем, чем радости, — сделала она очевидное заключение, и слова прозвучали не как обвинение, а как горькое признание того, что мир устроен несправедливо.

— Всё относительно, — парень задумался, и его взгляд на секунду стал серьёзным, почти взрослым. — Проблемы, конечно, есть, но большие деньги открывают большие возможности.

— И какие? — с усмешкой спросила Лера, и в её голосе прозвучала не насмешка, а желание понять, есть ли в этом всём хоть какой-то смысл.

— Путешествовать по миру, например. Дать хорошее образование детям, когда они появятся. Опять же, жена может не работать и не будет ни в чём нуждаться, — перечислял он, что приходило в голову, и в этих словах звучала не меч-

та, а скорее список пунктов из какого-то делового плана, где счастье измерялось в возможностях.

— Ага, — девушка смеялась практически в голос, но в этом смехе не было веселья — скорее горькая ирония. — Путешествовать… сомневаюсь, что у тебя есть на это время. Скорее всего, ты практически всегда на работе. Жена… её ещё надо найти. Уверена, что в голове постоянно возникает мысль: вдруг она со мной только из-за денег. Ну или брак по расчёту, чтоб объединить капиталы. Дети… тут, конечно, образование, дорогие игрушки, потом одежда, машины. А в конечном итоге — брак по расчёту с каким-нибудь партнёром. И ещё повезёт, если детей поженят, а не просто отдадут дочь за престарелого партнёра. Так вот я и спрашиваю, какие возможности открывают деньги?

— Как-то у тебя всё слишком пессимистично, — парень пристально посмотрел на неё, и в его взгляде не было осуждения — только удивление, смешанное с лёгкой тревогой. — Чувство, что ты всё это прошла.

— Нет, просто наслышана, — она сменила позу, подогнув ноги под себя, и этот детский, почти беззащитный жест вдруг сделал её слова менее резкими, более человечными. — Быть простым человеком проще. Отработал — и весь вечер свободен. В выходные можно встретиться с друзьями или родителями. Замуж выйдешь по любви, а не потому, что папа сказал. Никто тебя не трогает, и лицо держать на всяких мероприятиях не нужно.

— А я смотрю, тебя тема свадьбы всё не отпускает, — заметил Асхат, и в его интонации не было насмешки — скорее попытка перевести разговор на что-то менее болезненное.

— Причём тут свадьба, я тебе примеры привожу и в той, и в другой жизни, — начала заводиться Лера, чувствуя, как внутри поднимается волна раздражения — не на Асхата, а на всю эту ситуацию, на эту роскошь, которая казалась ей позолоченной клеткой. — Ладно, пойду я, там должны платье привезти на завтрашний вечер, — девушка быстро поднялась наверх, и её шаги прозвучали торопливо, будто она убегала не от разговора, а от самой себя.

«Чёрт дёрнул меня начать философствовать. Сидела бы молча кивала. Главное, чтоб думать усиленно не начал над тем, что я сказала. О платье и правда привезли», — думала она, поднимаясь по лестнице, и каждый шаг отдавался в груди глухим эхом, будто дом шептал ей: «Ты здесь чужая».

Лера достала платье из пакета. Шёлковое, в пол, ярко-красного цвета, чтобы выделяться из толпы — цвета, к которому она как раз не стремилась, цвета, который кричал о ней громче, чем она хотела. С правой стороны разрез до середины бедра, дерзкий и откровенный, сверху — V-образный вырез и тоненькие бретельки, едва удерживающие ткань. К платью прилагались открытые босоножки на высокой шпильке — благо ходить на них Лера умела, и эта маленькая уверенность была сейчас как глоток свежего воздуха. Комплект нижнего белья в тон платья — кружевные

стринги и такой же бюстгальтер без бретелек. Даже размер её. Грудь у Леры была аккуратненькая, двоечка, и в этом тоже была своя хрупкость, своя незащищённость. Тут же лежала бордовая бархатная коробочка. Недолго посомневавшись, Валерия открыла крышку. Внутри лежало золотое колье с замысловатым плетением и россыпью бриллиантов, а в комплекте — удлинённые серьги. Холодный блеск камней завораживал и пугал одновременно.

«Боже, это же стоит целое состояние», — прошептала она, и в груди всё сжалось от неловкости и страха: ей казалось, что она наделает ошибок, испортит эту красоту, не оправдает доверия.

Она сложила всё в пакет и убрала в шкаф, только платье повесила на плечики, чтобы не помялось. Ткань струилась, как живая, переливаясь в свете лампы, и от этого движения по коже пробегали мурашки — то ли от предвкушения, то ли от страха.

Время подходило к ужину, и девушка решила спуститься вниз. Тем более после увиденного у неё появились вопросы к хозяину дома. К счастью, мужчины уже сидели за столом и что-то бурно обсуждали, ожидая ужина, и их голоса, громкие и уверенные, на секунду вернули Лере ощущение реальности — здесь были обычные люди, даже если они ворочали миллионами. При появлении девушки они резко замолчали, и эта внезапная тишина была громче любого крика.

— Ты сам выбирал мне наряд на завтрашний вечер? —

обратилась она с порога к Баграту, и голос прозвучал твёрже, чем она чувствовала себя внутри.

— Нет. Передал размеры и описал твою внешность своей секретарше. А что? Что-то не подошло? — забеспокоился он, и в этой заботе, пусть и неловкой, было столько тепла, что Лера на секунду забыла, зачем пришла.

— Да нет, с этим порядок. А ты видел, что она купила?

— Нет. Люблю сюрпризы. Завтра увижу. Я ей полностью доверяю. Катя ещё ни разу не ошибалась, — он говорил спокойно, уверенно, и эта уверенность вдруг показалась Лере почти невыносимой — ей хотелось, чтобы он волновался так же, как она, чтобы хоть кто-то разделил с ней этот груз.

— Понятно. Но ты хотя бы в курсе, что там очень дорогое колье?

— Не такое уж оно и дорогое, — отмахнулся он, и в этом небрежном жесте было столько привычной роскоши, что Лера почувствовала себя ещё более чужой.

Лера присела за стол, а мужчины продолжили разговор, и она вдруг остро ощутила себя лишней, как деталь, которая не подходит к этому механизму.

— Надеюсь, неприятных сюрпризов не будет, — заговорил Баграт, и в его голосе звучала такая напряжённая надежда, что Лере стало его почти жаль. — Не хочу, чтоб что-то испортило завтрашний вечер. Я долго шёл к этому дню. Не так давно и не надеялся выйти на новый уровень. Если бы тогда упырю эта афера удалась, мне бы пришлось несладко.

— Да забудь ты уже об этом, — не унывал Асхат, пытаясь развеять мрачные тучи, которые сгущались над другом. — Ты его обскакал, теперь можешь расслабиться.

— Да не могу я расслабиться, — взвинченно парировал Баграт, и в его словах звучала не бравада, а настоящая, живая тревога человека, который слишком много поставил на кон. — Мне кажется, они продолжают что-то плести за моей спиной. Не хочу снова узнать об этом в последний момент.

— Да нет у них других точек давления. Что они могут придумать?

— Не знаю. Но чувствую. Если нет, то скоро появятся. Я это нутром ощущаю, — он постучал себя по груди, и этот жест был таким простым, таким человеческим, что на секунду стер все границы между ним и Лерой.

— Ну вот, что я говорила! — не удержалась Лера и влезла в разговор, и её слова прозвучали не как упрёк, а как крик души, уставшей от этой бесконечной гонки. — От денег только проблемы, а чем их больше, тем проблем больше, — Асхат усмехнулся, но в его усмешке не было насмешки над ней — скорее признание того, что она попала в самую точку.

— О чём это она? — не понял Баграт, и его лицо на секунду стало непроницаемым, как каменная маска.

— Лерочка считает, что деньги — это зло, — с многозначительным видом выдал Асхат, и в его тоне не было иронии — скорее попытка защитить её от этой внезапной бури. — Пообщались мы тут недавно. Знаешь, занятные мысли у неё

в голове.

— Когда это вы успели пообщаться? — лицо Баграта стало каменной маской, и в этой внезапной холодности было столько ревности, столько собственнического чувства, что Лера на секунду почувствовала себя не гостьей, а предметом спора.

— Пока ты в кабинете сидел, — улыбался во все тридцать два зуба Асхат, и его улыбка вдруг стала казаться Лере не такой уж беззаботной — в ней мелькнула тень понимания, что он играет с огнём.

— Ничего особенного, — решила разрядить обстановку за столом Лера. — Ты спросил, я ответила. Это сугубо моё мнение, и я его никому не навязываю.

— И что за мнение? — Рат сверлил её взглядом, и в этих тёмных глазах было столько напряжения, что казалось, воздух между ними искрит.

— Если вкратце, то много денег приносят много проблем, причём не только тебе, но и всей семье, — она говорила спокойно, но внутри всё дрожало, как натянутая струна.

— В мою семью проблемы принесло как раз их отсутствие, — очень жёстко высказался Баграт, и от этой фразы по спине Леры пробежал холодок — в ней звучала такая боль, такая старая, застарелая обида, что девушка невольно поежилась.

— Рат, успокойся, — попытался осадить его друг, и в его голосе прозвучала не просьба, а приказ человека, который

знает, когда нужно остановить лавину.

— Ещё раз повторяю, — Валерия выпрямилась и со всей серьёзностью парировала, и в этот момент она вдруг перестала быть испуганной девочкой — перед ними сидела молодая женщина, которая умела держать удар. — У каждого своё мнение. Я не навязываю свою точку зрения. Просто сказала то, что думаю, — она поднялась со своего места. — Знаете, я не голодна. Я, наверное, пойду, — и быстрым шагом направилась к выходу, чувствуя на себе два взгляда — один полный вины, другой — беспокойства.

— Вот чего ты завёлся, — услышала она реплику Асхата, и эта простая фраза на секунду согрела её, как тёплый плед в холодный день.

Лёжа на кровати и разглядывая потолок, по щеке девушки скатилось пара слезинок от обиды. Они были не горькими, а скорее усталыми, как капли дождя на пыльном стекле.

«Зачем так психовать? Что я такого сказала? Целый день ходит без настроения, а срывается на мне. Нашёл девочку для битья. Всё, погостили — и будет! Послезавтра я уезжаю, и точка», — мысленно твердила она, пытаясь убедить себя, что сможет уйти, что не останется здесь, не позволит себе привязаться к этому дому, к этим людям, к этому мужчине, который заставлял её сердце биться быстрее, а душу — болеть.

Через полчаса в дверь постучали. Тихий, осторожный стук, будто человек за дверью боялся нарушить её одиноче-

ство.

— Можно? — на пороге стоял Баграт. Его плечи были чуть опущены, а во взгляде читалась не привычная уверенность, а уязвимость, редкая и оттого ещё более ценная.

— Конечно. Это же твой дом, — Валерия села в кровати, скрестив ноги, и этот простой, почти детский жест вдруг сделал её менее отстранённой, менее недоступной.

— Я хотел извиниться, — он прошёл и опустился рядом на край кровати, и его движения были такими осторожными, будто он боялся спугнуть её, как дикую птицу. — Из-за предстоящего торжества весь на нервах. Прости, что сорвался на тебя.

— Прощаю, — тихо сказала Лера, и эти два слова прозвучали как мост, перекинутый через пропасть обиды.

Повисла неловкая пауза. Они продолжали смотреть друг другу в глаза, не зная, что ещё сказать, и в этой тишине было столько невысказанного, что воздух казался густым, почти осязаемым.

— Может, ты всё-таки спустишься, поешь? — нарушил молчание Баграт, и в его вопросе прозвучало не требование, а тихая забота, которую он не умел выражать иначе.

— Я правда не голодна, — девушка опустила голову и уставилась на свои руки, и в этом жесте была не обида, а усталость, желание просто побыть одной, чтобы никто не пытался её починить.

— Значит, всё ещё обижаешься? — он обхватил её под-

бородок двумя пальцами, приподнял и заглянул в глаза, и в этом прикосновении не было ни давления, ни попытки подчинить — только просьба увидеть его, услышать, понять. — Как мне загладить свою вину?

— Я правда не обижаюсь. Просто есть не хочется, — почти шептала она, и от его прикосновения всё переворачивалось внутри, а дыхание сбивалось, как у человека, который долго бежал и наконец остановился. Всё, о чём она сейчас могла думать, так это о том, как сильно хочет повторения поцелуя, как жаждет снова почувствовать себя живой, нужной, желанной.

— Ты меня не обманываешь? — Баграт наклонился чуть ближе, и его дыхание коснулось её кожи, обжигая, как тёплый ветер.

— Нет, — прошептала Лера и облизнула нижнюю губу. В этом едва заметном движении было столько неосознанной нежности, что у Баграта что-то внутри дрогнуло, будто тонкая струна натянулась до предела и вот-вот порвётся. Это движение привлекло взгляд мужчины, приковало к себе, лишая способности думать, рассуждать, взвешивать последствия.

Он наклонился ещё ближе, и время будто замедлилось, растягиваясь, как тягучий янтарь, в котором застывают мгновения. Его губы смяли её губы — не грубо, но решительно, словно он пытался удержать ускользающий момент, схватить его и спрятать в себе, чтобы потом, когда всё рух-

нет, можно было вспомнить: был миг, когда он позволил себе быть не хозяином положения, а просто мужчиной, который хочет эту женщину. Валерия сразу ответила на поцелуй — не с пылкой страстью, а с той искренней, почти отчаянной жаждой быть нужной, которую невозможно сыграть.

Одной рукой он обхватил её затылок, будто боялся, что она исчезнет, растворится, как утренний туман под первыми лучами солнца. Второй рукой провёл по спине, осторожно, но настойчиво, словно запоминая каждый изгиб, каждую линию, каждый миллиметр её кожи. Лера несмело положила свои ладошки на мужские плечи, и в этом робком прикосновении было больше доверия, чем в любых клятвах. Её пальцы слегка дрожали, и эта дрожь передавалась ему, смешиваясь с его собственным напряжением.

Страсть между ними разгоралась, как костёр из сухих веток: сначала робкие искры, потом первые языки пламени, а затем — жар, от которого становилось трудно дышать. В какой-то момент Баграт уложил девушку на кровать и подмял под себя, но даже в этой властности не было грубости — скорее отчаянная попытка удержать контроль, который ускользал сквозь пальцы, как вода. Рука его стала блуждать под маечкой, поглаживая живот и грудь, и каждое прикосновение рождало новую волну мурашек, которые бежали по коже, оседая тягучим, горячим желанием внизу живота.

Дыхание Валерии участилось, стало прерывистым, неровным, как у человека, который долго бежал и наконец оста-

новился, но сердце всё ещё колотится где-то в горле. Сердце стучало как бешеное, заглушая все остальные звуки, даже тихий шорох ткани и едва уловимый скрип пружин кровати. Желание закручивалось тугой спиралью, готовой взорваться в любой момент, и в этой спирали сплетались самые противоречивые чувства: страх, что сейчас это произойдёт впервые, и отчаянное, почти болезненное желание, чтобы это случилось именно с ним — с этим мужчиной, в чьих глазах она видела не только страсть, но и что-то большее, чему пока не могла подобрать названия.

Баграт поднял мешающую майку вверх, обнажая её плечи, и на секунду замер, будто пытаясь запечатлеть этот миг в памяти — её раскрасневшиеся щёки, полуприкрытые глаза, дрожащие ресницы, лёгкий изгиб губ. Потом он припал губами к её груди, и мир сузился до этих прикосновений, до ощущения её кожи, до её тихого, сдавленного стона, который отозвался в нём чем-то древним, глубинным, почти животным. Один сосок он втянул в рот, а второй зажал и медленно крутил двумя пальцами, и от этой контрастной ласки тело Леры пробивала мелкая дрожь, похожая на электрические разряды, пробегающие по нервам и заставляющие сжиматься от наслаждения.

В какой-то момент мужчина оторвался от её груди и заглянул в глаза девушки, затянутые поволокой желания. Его собственные глаза были тёмными, почти чёрными, в них бушевали эмоции, которые он не мог и не хотел скрывать. Он

тяжело дышал, и каждый вдох давался ему с трудом, будто воздух стал густым и тяжёлым.

— Господи, что я творю? — он резко отстранился, схватился за голову, сжимая волосы пальцами, словно хотел причинить себе боль, чтобы заглушить другую, куда более сильную. — Я не должен был… Рядом с тобой я не могу держать себя в руках… Прости, — он поднялся и стал пятиться к двери, будто она была единственным спасением, единственным шансом не сорваться снова. — Прости, я буду держать себя в руках. Я больше не перейду эту грань, — он резко развернулся и вышел, хлопнув дверью чуть громче, чем хотел, и этот звук отозвался в комнате глухим эхом, похожим на удар колокола, возвещающего о чём-то безвозвратно ушедшем.

Лера лежала в недоумении, глядя в потолок, по которому скользили тусклые отсветы уличного фонаря. В комнате стало непривычно тихо, и эта тишина давила сильнее любого шума. Она чувствовала, как желание постепенно отступает, сменяясь неловкостью и горьким чувством непонимания.

«Что произошло? Почему он ушёл? Что я сделала не так? Может, я была слишком пассивной, и он догадался, что я девственница?» — эти мысли кружились в голове, как осенние листья в порыве ветра, цепляясь за самые болезненные уголки сознания.

Валерия села и поправила майку, прикрывая обнажённые плечи. Ткань казалась холодной, чужой, и это ощущение только усиливало дискомфорт. Она поднялась, чувствуя

себя опустошённой и одновременно переполненной эмоциями, которые не знала, куда деть. Девушка отправилась в ванную комнату, чтобы принять контрастный душ — не столько ради свежести, сколько ради того, чтобы привести мысли в порядок, смыть с себя эту неловкость, эту горечь непонимания, эту сладкую боль желания, которое так и осталось неудовлетворённым. Струи воды били по коже, то обжигая, то остужая, и с каждой секундой Лера чувствовала, как понемногу возвращается способность мыслить здраво.

День приёма выдался волнительным с самого утра. Бессонная ночь оставила на лице лёгкие тени, которые стилист потом будет старательно маскировать, но сейчас они казались Лере метками её внутреннего напряжения. Баграт старательно избегал показываться ей на глаза: если они и сталкивались случайно в коридорах, он тут же находил какой-нибудь предлог, чтобы уйти, и его торопливые шаги эхом отдавались в пустых комнатах, словно он убегал не от неё, а от самого себя.

К десяти прибыл стилист и две его помощницы. И началось что-то невероятное: маникюр, педикюр, маски для лица, макияж и причёска. Комната наполнилась запахом косметики, тихим шелестом упаковок, приглушёнными голосами и едва уловимым напряжением, которое витало в воздухе, как статическое электричество перед грозой.

— Можно мне подкрасить корни? — уточнила Лера, стараясь говорить спокойно, но в голосе всё равно проскальзы-

вали нотки неуверенности.

— Это не обязательно. Почти ничего не заметно, — ответил стилист, внимательно рассматривая её волосы при ярком свете лампы. — Я так понимаю, вы совсем недавно красили волосы?

— Да, но хотелось бы, чтоб никто не увидел. Все должны думать, что это мой натуральный цвет. Поэтому я часто подкрашиваю корни, — постаралась объяснить Валерия, и в этих словах звучала не капризность, а желание просто быть собой, не притворяться кем-то другим, даже если этот другой — она же, только более эффектная и уверенная.

— Хорошо, всё сделаем в лучшем виде, — согласился стилист с лёгкой улыбкой, в которой не было ни снисхождения, ни раздражения — только профессиональная уверенность человека, который знает, как превратить сомнения в уверенность.

Лере казалось, что прошла уже целая вечность. Время тянулось мучительно медленно, растягиваясь на бесконечные минуты, каждая из которых была наполнена какими-то процедурами, прикосновениями чужих рук, незнакомыми запахами и ощущениями, от которых хотелось спрятаться. Она не любила салоны красоты, предпочитала сама приводить себя в порядок: ей нравилось самой выбирать оттенок помады, самой укладывать волосы, самой решать, какой образ ей ближе. И с Багратом спорить не стала — просто кивнула, соглашаясь на всё, что он предлагал. Но, если бы она знала,

что это выльется в семь часов различных «экзекуций», то, несомненно, воспротивилась бы, пусть даже и вежливо, но твёрдо.

Волосы ей подняли наверх, оголяя шею, и эта открытость показалась Лере почти интимной, будто она выставляла напоказ не только свою красоту, но и свою уязвимость. И когда она, полностью одетая, подошла к зеркалу, то потеряла дар речи. На неё смотрел совершенно другой человек: не та растерянная девушка, которая неделю назад переступила порог этого дома, а эффектная молодая женщина, в чьих изумрудных глазах читалась не только красота, но и сила, и лёгкая тень тайны.

Макияж подчёркивал её глаза, делая их ещё более яркими, почти гипнотическими. Нежно-розовая помада чуть увеличивала губы, придавая им соблазнительную полноту. Общий образ делал её чуточку старше, но нисколько не портил — напротив, он словно снимал с неё невидимую вуаль скромности, позволяя увидеть настоящую Леру: ту, которая может быть не только застенчивой, но и смелой, не только уязвимой, но и сильной.

В отражении стояла девушка, знающая себе цену, и Лере очень даже нравился этот образ. Он придавал уверенности, которой ей так не хватало, и, глядя на себя, она вдруг подумала, что, возможно, сегодня ей удастся не просто пережить этот вечер, а прожить его по-настоящему, не прячась за чужими ожиданиями и страхами.

Сделав глубокий вдох, она направилась к лестнице. Воздух в доме казался густым, почти осязаемым, будто сам

особняк затаил дыхание в предвкушении чего-то важного. Лера шла медленно, чувствуя, как каждый шаг отдаётся в груди лёгким трепетом, смешанным с азартом. Она предвкушала реакцию Баграта — и это предвкушение было похоже на искру, бегущую по фитилю: вот-вот вспыхнет, и мир озарится новым светом.

Он стоял у подножья лестницы и разговаривал с Асхатом. Тот первый увидел девушку и застыл, не в силах отвести взгляд. В его глазах мелькнуло что-то похожее на изумление, смешанное с восхищением, и даже лёгкая тень растерянности — будто он увидел не просто красивую женщину, а явление, выходящее за рамки привычного. Баграт повернулся и тоже замер. Впервые Валерия увидела на лице мужчины столько эмоций сразу: там было и удивление, словно он не верил своим глазам, и восхищение, от которого у неё защемило где-то под рёбрами, и ещё что-то, чего она никак не могла уловить — что-то глубокое, почти болезненное, будто он увидел в ней не только красоту, но и отражение собственных потаённых желаний.

Когда она спустилась вниз, Баграт сразу предложил ей свою руку — не как формальность, а как молчаливое обещание: «Я здесь, я не дам тебе упасть». Лера приняла её с лёгкой улыбкой, и в этом жесте было столько доверия, что на секунду весь окружающий мир перестал существовать. Остались только его тёплая ладонь, её пальцы, едва касающиеся его рукава, и этот миг, который хотелось растянуть на целую

вечность.

— Девушка в красном, как вы прекрасны! — вновь раскланялся в комплиментах Асхат, и его голос прозвучал чуть громче обычного, будто он пытался скрыть собственное волнение за показной галантностью. Баграт лишь покачал головой, но в его взгляде не было раздражения — скорее тихая гордость, смешанная с облегчением, что она здесь, рядом с ним.

— Ты выглядишь просто потрясающе, — он улыбнулся ей, наверное, впервые так искренне, так непринуждённо. Эта улыбка ему так шла — она стирала с его лица привычную жёсткость, обнажая что-то уязвимое, почти мальчишеское, и от этого Лере хотелось улыбаться в ответ ещё шире. — Это самый великолепный сюрприз за всю мою жизнь, — добавил он тихо, так, чтобы слышала только она, и эти слова легли на душу тёплым, мягким пледом, укрывая от всех страхов и сомнений.

Они вышли в сад, где уже были накрыты столы и вовсю общался народ. Воздух был напоён ароматом ночных цветов и лёгким запахом дыма от декоративных фонарей, которые отбрасывали на дорожки причудливые тени. Навскидку было около пятидесяти человек, и Лера невольно подумала: «Ничего себе, только самые близкие!» — эта мысль скользнула в голове горькой усмешкой, но она тут же спрятала её за безупречной улыбкой.

Около часа они ходили между гостями, общались, Баграт

представлял Леру как свою спутницу. Ничего определённого, никаких громких заявлений, но и не оставлял её без внимания — каждое его движение, каждый взгляд, брошенный в её сторону, говорил громче любых слов: «Ты важна для меня». Валерия держалась достойно: улыбка не сходила с её лица, осанка оставалась прямой, а в глазах читалась не надменность, а спокойная уверенность женщины, которая знает себе цену.

Они шли к ещё одной паре, когда Баграта окрикнул мужчина. Его голос прозвучал резко, властно, как удар хлыста, и Лера невольно вздрогнула.

— Баграт Артакович! Не почтите ли и меня своим вниманием? — интересовался мужчина, и в его интонации было столько самодовольства, что у Леры по спине пробежал неприятный холодок.

Они остановились и обернулись.

«Боже!» — Лера чуть сильней сжала локоть Баграта, но улыбку не потеряла. Её пальцы впились в ткань его пиджака, словно это был единственный якорь в внезапно нахлынувшем шторме.

— Познакомишь со своей дамой? — он с улыбкой перевёл взгляд на Леру, и улыбка стала спадать, сменяясь пристальным, почти хищным вниманием. Он разглядывал её так, будто пытался проникнуть сквозь кожу, добраться до самой сути. — Лика? — неуверенно спросил он. — Анжелика, это ты? — уже увереннее задал вопрос, и в его голосе прозвуча-

ло что-то такое, от чего Лере захотелось исчезнуть, раствориться в воздухе, стать невидимой.

— Простите, вы обознались, — Лера ответила первой, и её голос прозвучал ровно, почти бесстрастно, хотя внутри всё дрожало, как натянутая струна. — Я Валерия, — продолжая улыбаться, говорила девушка, и эта улыбка была её бронёй, единственным щитом против этого взгляда.

— Вы так похожи на одну мою знакомую. Почти одно лицо, вот только волосы другого цвета, — он продолжал её разглядывать, и каждый его взгляд ощущался как прикосновение холодных пальцев. Баграт с интересом наблюдал за ними, и в его глазах Лера читала не только любопытство, но и готовность вмешаться, если ситуация выйдет из-под контроля.

— Скорее всего, просто есть общие черты, и не более того. Мне постоянно говорят, что я на кого-то похожа. А волосы… — она стала кокетливо накручивать свободный локон на палец с красным маникюром, и это простое движение помогло ей вернуть контроль над собой. — Это мой родной цвет, и я им очень горжусь.

— И где же ты встретил эту восхитительную девушку? — неожиданно обратился он к Баграту, и в его вопросе прозвучало не просто любопытство, а желание найти слабое место, нащупать уязвимость.

— Есть места, Дмитрий Николаевич, — неопределённо ответил Баграт, и в этой уклончивости было столько скрытой

силы, что Лера невольно восхитилась его выдержкой.

— Это секрет, — продолжал настаивать Янгельский, и его настойчивость напоминала игру хищника, который уже загнал добычу в угол и теперь просто наслаждается моментом.

— Да ну что вы, нет никакого секрета, — вновь отозвалась Лера, и её голос зазвучал чуть выше, чуть звонче, как у актрисы, которая вдруг вспомнила свою роль и теперь играла её с отчаянной смелостью. — Нас познакомили наши общие знакомые. Я в этом городе по делам бизнеса. En général, je viens de France.

— Что, простите? — переспросил Янгельский, и на его лице мелькнуло искреннее удивление, смешанное с лёгким недоверием.

— Я говорю, что вообще я родом из Франции, — ответила она, и оба мужчины удивились, но Баграт своё удивление попытался скрыть, лишь чуть прищурившись, будто пытался разгадать какую-то сложную загадку.

— Для француженки вы очень хорошо говорите по-русски, — не унимался Дмитрий Николаевич, и в его словах прозвучало не восхищение, а скорее подозрение, которое он пока не решался облечь в слова.

— Моя мама из России, а я родилась уже там, — легко ответила Лера, и в её голосе не было ни капли напряжения — только спокойная уверенность человека, который знает, как держать удар. Заиграла медленная музыка, и она перевела взгляд на Баграта. — Хочу потанцевать. Может, пригла-

сишь?

— Я с превеликим удовольствием составлю вам компанию, — влез Янгельский, и в его предложении прозвучало столько самонадеянности, что Лера едва сдержала гримасу отвращения.

— Я танцую только со своим мужчиной и не собираю всех подряд, — уже грубее ответила Лера, всё с той же лучезарной улыбкой, и эта контрастность — жёсткие слова и нежная улыбка — произвела эффект разорвавшейся бомбы. Она пошла к импровизированной танцевальной площадке, и её шаги были твёрдыми, уверенными, будто она шла не танцевать, а заявлять о своей свободе.

Баграт догнал её и повёл уже под руку. Его ладонь легла на её талию, и от этого прикосновения по коже пробежала тёплая волна, прогоняя остатки страха.

— Что это было? — спросил Рат, уже кружа её в танце, и его голос звучал тихо, только для неё, заглушённый музыкой и шёпотом ночного сада.

— Пыталась не ударить в грязь лицом. Зачем кому-то знать, что сегодня ты с девушкой второго сорта, — Лера не переставала улыбаться, но в её глазах мелькнула тень боли, которую она тут же спрятала за привычной маской.

— Во-первых, я не считаю тебя девушкой второго сорта. Мне плевать, что думают другие. А во-вторых, вы знакомы. Ты узнала его и занервничала. Пусть лицом ты себя не выдала, но я почувствовал, как ты сжала мою руку, — его слова

прозвучали не как упрёк, а как тихое признание: он видел её, видел насквозь, и это одновременно пугало и согревало.

— Он твой друг? — Лера с надеждой ждала ответа, и в этом вопросе было столько уязвимости, столько желания услышать что-то хорошее, что Баграту захотелось солгать, лишь бы не ранить её.

— Друг, — хмыкнул мужчина. — Скорее враг, — увидев непонимание в глазах девушки, пояснил: — Я не мог его не позвать, мы давние конкуренты. Так откуда ты знаешь Янгельского?

— Я объясню, но не здесь и не сейчас. Он за нами наблюдает. Он не должен узнать, кто я, иначе я пропала, — её голос дрогнул, и эта дрожь была единственным признаком того, сколько сил ей стоило держать себя в руках.

— Хорошо. Но вечером ты мне всё расскажешь, — пообещал он, и в его тоне прозвучала не угроза, а обещание защиты, которое Лера приняла с благодарностью, даже не пытаясь спорить.

Оставшееся время Лера держалась из последних сил. Она кожей ощущала, как Дмитрий следит за ней, за каждым её движением, каждым взглядом, каждым вздохом. Его внимание было похоже на невидимую паутину, в которой она боялась запутаться, и каждое мгновение тянулось мучительно долго, как капля густого мёда, стекающая по стеклу. Когда гости разошлись, Валерия вздохнула с облегчением — этот вздох был похож на освобождение из тесной клетки, и на се-

кунду ей показалось, что она снова может дышать полной грудью.

Поднявшись в свою комнату, она упала на кровать и прикрыла глаза. Усталость навалилась тяжёлым покрывалом, лишая сил даже думать. Раздался стук в дверь, и на пороге появился Баграт. Его силуэт на фоне коридора казался тёмным, почти призрачным, и на мгновение Лере показалось, что это не он, а её собственные страхи приняли человеческий облик.

— Я всё ещё жду объяснений, — начал он, присаживаясь на кровать, и его голос звучал спокойно, почти будничнo, будто они собирались обсуждать не судьбу, а планы на выходные. — Думаю, там всё не так страшно, как я себе уже успел напридумывать, — попытался разрядить он обстановку, и в этой попытке пошутить было столько заботы, что у Леры защипало в глазах.

— Там всё намного хуже, чем ты мог придумать, — горько улыбнулась она, принимая сидячее положение, и в этой улыбке не было ни веселья, ни надежды — только горькая правда, которую больше невозможно скрывать. — Я Светлицкая Анжелика Андреевна, — произнесла она, и имя прозвучало как приговор, как звук закрывающейся двери, за которой остаётся прежняя жизнь. Глаза Баграта расширились, и в них мелькнуло то самое понимание, от которого становится по-настоящему страшно: он начал складывать кусочки мозаики, и картина получалась мрачной.

Она рассказала всё: про отца, про планы выдать её замуж, про побег, про аварию, про смерть Леры и Леонида, про обожжённый паспорт, про кулон, про похороны, про мать, которая, возможно, не поверила в её смерть. Слова лились потоком, иногда сбиваясь, иногда застревая в горле, но она выдавливала их наружу, как выдавливают яд из раны, чтобы не умереть от заражения.

Закончив свой рассказ, она замолчала. Тишина в комнате стала густой, почти осязаемой, и в ней слышалось столько невысказанного, столько боли и вины, что казалось, воздух стал тяжелее.

— Похоронили, — глухо отозвался Баграт, и его голос прозвучал как эхо, долетевшее из далёкого прошлого. — А как же соседка? Которая оформила опеку?

— Она знала мою историю. Поэтому и согласилась. Я ведь уже была совершеннолетней, а значит, должна дружить с головой, — её слова прозвучали устало, безнадёжно, как финальная точка в длинной, мучительной истории.

— Мне надо всё это осмыслить, — проговорил он, и больше не проронив ни слова, вышел. Дверь тихо щёлкнула, закрываясь, и этот звук отозвался в комнате глухим эхом, похожим на удар колокола, возвещающего о чём-то безвозвратно ушедшем.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.